

АНДРЕЙ СКОРОБОГАТОВ

КУРЬЕРСКАЯ
СЛУЖБА

Андрей Скоробогатов
Курьерская служба

«Автор»

2026

Скоробогатов А. В.

Курьерская служба / А. В. Скоробогатов — «Автор», 2026

Я - Секатор, убийца миров, подрезающий лишние ветви Древа Реальностей. За спиной сотни жизней в телах двойников, впереди - новая, в мире с глобальным потеплением, заражённом магией и раздираемым на части игрой империй. Моя копия здесь - наследник обедневших помещиков, так и не развивший свой магический навык. Фанат японской культуры, отчисленный из учебного заведения и чуть не проигравший своих последних крепостных. К счастью, я изменю жизнь этого неудачника. И, скорее всего, уничтожу мир. Но для начала - заберусь повыше на государственной службе.

Содержание

Глава 0. Пролог	6
Часть I. Глава 1	10
Глава 2	15
Глава 3	22
Глава 4	29
Глава 5	35
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Андрей Скоробогатов

Курьерская служба

Андрей Скоробогатов
Курьерская служба
Том I

Глава 0. Пролог

Я снова умер.

Ещё одна жизнь закончилась. Я дёрнул рукой, попытавшись ударить убийцу, но схватил воздух. Моего оружия больше не было. Война окончена. Запястье в рукаве серой мантии, вмиг ставшее костлявым, перехватила чья-то сильная и крепкая рука.

— Тише, тише. Ты дома, — прозвучал властный голос.

Под потолком горели тусклые лампы. На бледной штукатурке проступал светящийся силуэт извилистого дерева.

Я осел на холодный бетонный пол и окончательно осознал, где нахожусь. Вершина Бункера. Место возврата и начала. Место, про которое я уже начал забывать.

Вся предыдущая жизнь тут же начала превращаться в закончившийся кошмар. Казалось, я уходил отсюда на задание всего пару дней назад. Или, всё же, десятки лет назад? Как посмотреть, ведь Бункер Секаторов находится вне времени и пространства.

Разум, переместившийся во временное тело, вспоминает, что это уже в двухсотый, а может, в трехсотый раз. Что я стар. Что каждый прошлый раз я попадал сначала сюда, в Бункер, а затем в тело своей копии из параллельного мира. И что у меня очень скоро начнётся новая жизнь, новое задание.

Это чувство оживляло и волновало меня, но следом пришла ещё одна мысль. Что я проиграл и не закончил дело.

— Ты ошибся, — подтвердил опасения голос. — Второй раз за всё время, что знаю тебя, Циммер.

Верховный Секатор как всегда был строг и мрачен. Тень чёрного капюшона скрывала лицо, но я догадывался, что прочитав хоть какие-то эмоции на нём всё равно не получилось бы. Я промолчал: слова были бесполезны. Он продолжил.

— Мир остался целым. Человечество сохранено. Мы проследили на десятилетие вперёд после твоей смерти и отправили в помощь Лифтёров и твоего коллегу. Тебе наверняка это не понравится, Циммер. Ты хочешь искупить вину. Снова быть полезным мне. Это ведь так?

Я кивнул.

— И ты не будешь брать отпуск? Скажем, тихий уютный мир, в котором ты проживёшь долгую и счастливую жизнь? Либо, может, тебе пора на покой?

— Я Секатор. Я не люблю тихие и уютные миры. И на покой мне пока рано.

Вдруг осознал, что впервые после предыдущей жизни слышу здесь свой голос — сухой, тусклый, старый. Верховный Секатор довольно кивает.

— Так и думал. Есть одна задача. Ещё один мир в достаточно далёкой и странной ветке.

Дерево за спиной вспыхнуло. Одна из Ветвей, тонкая, начинающаяся с самого нижнего края ствола и оплетающая тот до верха, загорелась красным.

— Ветвь нужно подрезать? — догадался я. — Почему на этот раз?

— Магия. Парша, от которой ткань пространства гниёт и которая может перекинуться на другие Ветви. Пока ещё не подтверждено, но все признаки налицо. А там, где магическая гниль — там пересечения с Ветвями соседних чужих Древ. Ты знаешь, ты уже повидал такое.

Чужие Древа — малоизученные параллельные временные линии с инопланетными расами и чудовищами. Я поёжился. Работать с магическими Ветвями реальности мне пришлось всего пару раз. И именно в один из них я и провалил задание.

— В этот пучок Ветвей ещё не ходили ни Секаторы, ни Лифтёры. Ты понимаешь, какие риски у твоей операции?

— Понимаю, — кивнул я. — На этот раз я не подведу, Верховный.

— Я верю. Ты сможешь. Ты поймёшь, как. Ты найдёшь, кто враг и кого следует прикончить. Иди.

Снова кивнул и заковылял к выходу. Бетонная арка раскрыла свою пасть в коридор, который вился по спирали всё дальше и дальше вниз мимо сотен разноцветных дверей.

Вначале коридора — новые двери, ажурные, из неведомого материала. Наверху табличка: «2105 год». Я мог возродиться в Бункере в разное время, но воля Верховного Секатора поместила меня в этот момент. Ко времени, когда появились информация и новое задание. И только сейчас я понял, что моему телу уже больше века.

Скорей бы избавиться от него. Мне ещё рано на покой.

Я шёл мимо бесконечных дверей с уменьшающимися числами. Лифты. Шахты, каждая из которых ведёт в одну из изученных и сохраненных реальностей. Это средства оперативной разведки и диагностики: через них можно посмотреть, всё ли хорошо и стоит ли продолжать выращивать Ветвь. Растущих — десятки тысяч против миллиона Ветвей, которые мы отсекали.

Напротив дверей начала XXI века в лифтовом холле начали встречаться мои коллеги. На грубых скамьях за столами сидели лифты: молодые люди тридцати-тридцати пяти лет. Дольше из них редко кто проживал. Они принадлежали к низшей касте в Бункере. Инспекторы, разведчики, исполнители коротких опасных миссий — пушечное мясо. Они жили свои короткие жизни и возвращались в Бункер в реальном времени.

Все лица казались незнакомыми. Некоторые из них играли в неизвестную мне настолку, кто-то курил, другие сидели с книгами и диковинными гаджетами, принесёнными из самых молодых миров, крутили перед носом разноцветные голограммы.

— Эй, дед Эльдар, — окликнул меня один из них. — Живая легенда!

— Я видел тебя на прошлой неделе, — сказал кто-то ещё. — Ты был моложе, помнишь меня? Это сколько жизней назад было?

Разумеется, я не помнил ни его, ни сколько возродений назад я попадал в этот период времени Бункера.

— Сколько ты уже прожил? Тысячи две, судя по виду.

— Присядь, выпей с нами. Какой год сейчас был? Что за ветвь?

Я мог бы ответить, что год был две тысячи пятидесятый, что этот мир пережил уже четыре мировых войны, две из которых устроил я. И что мир этот так и не сдался мне, но промолчал. Потому что знал, что не воспользуюсь лифтами и что я, агент-Секатор, не имею права рассказывать детали прожитой жизни.

— Это к удаче — встретить старого Секатора, — сказала одна из девушек.

Девушек среди лифтов было мало — не больше десятка из сотни. Я бросил взгляд. Нежная, молодая, сочная, в расстёгнутой чёрной рубашке. Ещё больше расхотелось быть старым.

— Молчишь, как всегда... Ну и молчи.

Ещё один голос добавил:

— Хорошей жизни, Эльдар! Желаю тебе умереть вместе с миром!

Я обернулся и холодно, коротко кивнул. Пожелание, действительно, вышло хорошим.

Мой путь закончился спустя несколько часов. Закончились последние двери лифтов — деревянные, с выцветшими цифрами «1880». Я прошёл мимо шумных цехов, мимо дурно пахнущей столовой. От мысли о еде начинало мутить. Спустился на тридцать с лишним витков длинного спирального коридора, туда, где чувствовалось горячее дыхание близкой лавы. А может, адского пекла. Путь заканчивался в небольшом зале с семью дверями и истёртыми знаками Службы Секаторов — Древа и скрещенными садовыми ножницами над ним. Семь дверей для семи одновременных операций. Поколения меняются, но во времени Бункера Секаторов всегда семь. Одни из створок были открыты.

Я был готов к казни.

Внутри, в полумраке тесной комнаты, полной инструментов для экзекуций, под жаром огня, меня уже ждала Лекарь. Крепкая, с грубыми чертами лица женщина в чёрном окровавленном переднике, под которым не было ничего. Вечно молодая, горячая и в то же время полная ледяного безрассудства. Из какого века она приходит? Есть ли у неё жизнь помимо Бункера? У неё много копий или она одна? Я ни разу не успевал спросить, хотя несколько раз она дарила мне свою близость перед тем, как убить.

«Самка богомола»Ю — когда-то давно слышал я фразу кого-то из молодых Лифтёров.

Внутри меня что-то шевельнулось, но с лёгкой грустью я вспомнил, что моё тело уже ни на что не годно. Ничего, скоро всё это закончится, подумалось мне.

Она коротко, немного резко улыбнулась.

— Эльдар, помню тебя. Рада видеть. Ты готов?

Я кивнул.

— Выбирай.

— Пожалуй, пусть будет гильотина. Давно не было гильотины. Это быстро и просто.

"Нет прошлого, только настоящее", — вспоминаю я.

Мою шею устанавливают в деревянные колодки. Руки сжимают специальный поручень. Потерявшими остроту зрения глазами я смотрю на изгибы её потного тела под передником палача — это немного успокаивает. Женщин я люблю, а они любят меня. В вену вливается игла с инъекцией «сути мира». До сих пор плохо представляю, как это работает, и что за состав у этой дряни, но сознание всегда попадает туда, куда нужно. В тело моего двойника.

Все работники Службы Секаторов — люди-парадоксы. Наши копии были или есть во всех известных Ветвях миров. И наше сознание можно переместить из одного тела в другое. В этом наша сила и наша слабость.

Сознание плывёт: да, доля гуманности есть и в инъекции, помимо «сути», есть ещё и неопознанная дрянь, вгоняющая в сон и уменьшающая страдания умирающего. Я через силу приподнимаю взгляд. Впереди, на стене — точно такое же ветвящееся дерево, что и в зале у Верховного. Сухое и безлистное, но вместе с тем красивое, манящее. Интересно, кем я стану?

Лекарь закрепляет последний шнур на моём теле, проверяет пульс, передник съезжает, и она касается моего плеча грудью. Не то шепчет, не то шипит:

— Помню, помню тебя. Жаль, что на этот раз ты слишком стар. В тот раз мне понравилось.

Я вглядываюсь в сплетение и выдавливаю из себя:

— Это же не Главный Пучок. Где... начало этой Ветви? В античности?

Главным Пучком назывались миры с развилками второй половины двадцатого века. Их много, и они похожи, поэтому освоиться в каждом новом из них не представляет труда.

— Точно неизвестно, Эльдар. Данные скудны.

— Как всегда, — ворчу я.

— Ты прекрасно понимаешь причины. У Службы Секаторов нет средств, чтобы изучить такие Ветви достаточно глубоко. Разведчики не могут навести мосты в этот мир, и Лифтёрам туда не добраться. Были те, кто не возвращался с подобных заданий. Тебе повезло. Хотела бы я успеть попасть туда до конца мира... Одна из тех реликтовых Ветвей, что похожи на привычные миры только последнюю пару тысяч лет. Да-а... Знаешь же этот эффект: подобное тянется к подобному, даже если источник...

Всё это время её точильный камень с лязгом скользил по лезвию гильотины где-то надо мной.

— Давай закончим с этим, — обрываю я её монолог и кричу, чтобы было легче принять смерть. — Отрежь уже башку, грязная сука! Вылечи меня от этого проклятого тела!

Лезвие срывается вниз, на мою шею...

* * *

Я пошатнулся, но удержался на ногах. Рука инстинктивно коснулась шеи. Мысли о недавней казни и сражении из последнего мира ещё не выветрились из головы. Рефлекторно сжал кулаки, полагая, что всё ещё держу в руках не то автомат, не то деревяшку гильотины. Посмотрел на пол — под ногами был деревянный паркет, истёртый тысячами туфель.

— ...Так вы признаете свою вину?! — прозвучал властный голос. — Что молчите?

Поднял глаза. Передо мной большой зал, сотни молодых людей в странных синих костюмах, десяток мужчин постарше.

Смотрят насмешливо, с издевкой, с осуждением.

На задней стене — чёрно-красно-белый флаг с двуглавым орлом и огромное полотно:

«МОСКОВСКИЙ ИМПЕРАТОРСКИЙ КАМНЕРЕЗНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

А чуть ниже выплывший плакат:

«С НОВЫМЪ 2010-М ГОДОМЪ!»

То, что московский — это хорошо. Что императорский — интересно, хоть и достаточно непривычно. Все последние линии, в которых довелось побывать, были уже после крушения Российской Империи. Но камнерезный? Seriously? Что моя копия могла забыть в камнерезном, да ещё и университете?

Впрочем, интуиция подсказывала, что за этими словами кроется что-то не вполне привычное.

— Твою ж мать! Десятый... девятнадцать лет! — произносят губы. — Грёбанный студент!

Часть I. Глава 1

Часть I. Род Циммер

Глава 1

Мой голос стал звонче, моложе. Как и тело: нет больше ноющих суставов, мутной пелены перед глазами. И все зубы на месте — тут же пересчитал их языком. Нет, я был рад и счастлив воплотиться в столь молодом возрасте, но предпочитал, всё же начинать путь с тридцати-сорока лет.

Надо успокоиться. В первые минуты разум ещё не привык, и очень легко можно навредить своей новой личности. Совершить глупости. Особенно когда разум из чёрствого стариковского мозга в один миг пересажен в пересыщенный купажём гормонов юношеский.

— Как... как вы выражаетесь?! Что вы себе позволяете?!

Агрессивный тон и давящая атмосфера впрыснули адреналина в кровь. Я резко обернулся: за мной возвышалась кафедра с шестью мордами в мантиях и потешных чепчиках. Пятеро мужчин и одна пожилая женщина, в ужасе округлившая глаза. Наиболее толстый и пожилой из мужчин смотрел на меня, злобно нахмурившись, и я понял, что говорил именно он.

— Ты кто? Судья?

— Я?! Вы... как смеете! Обращаться! Сопляк! Я — ректор! Итак, вы признаёте? Согласны?

— Согласен, конечно же! — недолго думая, согласился я. — И что теперь?

Повисла некоторая пауза. По залу прошёл шёпот. Я ещё не знал, на что себя обрёл, но, судя по тому, что никто не высказал протеста — то ли никто не ожидал такого, то ли я всё сделал правильно.

— Итак... решением учебного совета филиала Камнерезного Университета... За многочисленные прогулы. Драку. Порчу имущества. Употребление спиртного. И слабое раскрытие первого навыка. Вы, Циммер Эльдар Матвеевич, приговариваетесь к отчислению из учебного заведения без права на восстановление.

— Ну и хрен с ним.

Я плюнул на пол — хотелось ему в лицо, но смекнул, что будет недолёт. Растёр ногой в блестящем лакированном ботинке, нашёл глазами лестницу и направился к выходу со сцены.

Зал зашумел. Проходя мимо большого зеркала на стене, глянул на себя и вздрогнул. Черты лица оказались знакомыми, но я был чуть выше ростом, чем обычно — хотя мой рост сравнительно невелик, а также неимоверно худым, с короткими, окрашенными в синий цвет волосами. На плечах сидел такой же сюртук, что и у сотен моих однокурсников в зале, а в левом ухе торчала серьга, выдающая бунтаря.

Вдруг откуда-то из-за угла по шее ударили чем-то тонким — не то тростью, не то указкой. Я успел увидеть офицера-охранника: высоченный, короткая борода, шапка, похожая больше на бескозырку, выглаженный мундир. Затем мне заломили руки за спину.

Я без труда вырвался из захвата. Ловкости хватило, однако вот сил, чтобы врезать в ответ, нет. Удар едва скользнул по челюсти, щетина бороды цапнула костяшки пальцев. Да, одних навыков мало, нужна ещё и физическая подготовка. У этого тела её явно не было.

В ответ — мощный удар по ногам. Я свалился на паркет.

Зал ликовал. Я понял или, точнее, вспомнил, что меня тут не очень-то и любили.

— В карцер! В карцер его! Отчислить!

В общем, если другие подобные истории, судя по историям популярной литературы XXI века, начинаются с поступления в университет, то у меня она началась с отчисления.

Меня подняли на ноги, я попытался врезать каблуком по лодыжке, но сильные руки дернули меня, приподняв над паркетом.

— Ваше благородие, а не прифигели ли вы? Меня-то за что?

Благородие? Насколько я помнил генеалогию всех моих предыдущих копий, знатных родов среди моих предков не было. Все из низов, от сохи. Да, конечно, екатерининские немцы, если брать Главный Пучок. Но их судьба изрядно потрепала за двадцатый век. И такое повторялось почти всегда, во всех знакомых мне ветвях.

Следом подумалось, что могу расцарапать ему глаза. Но я вовремя остановился.

Стоп. Бой уже закончился и я проиграл. Умер. И даже побывал в Бункере, где умер снова. Это уже другой мир. Параллельный. Мои копии в начале XXI века есть практически во всех мирах, встречаются различные совпадения в окружении, в явлениях. Но расхождение исторических веток могло быть очень большим. Если мое сознание поселилось сюда именно в момент вынесения приговора, значит, было самое подходящее время, чтобы подменить сознание. Значит, моё тело просило о помощи у своего ангела-хранителя. Отсюда и немного безумное поведение — такое часто происходит в момент медленного угасания личности реципиента.

Сейчас главное — не сорваться, не навредить своему новому «я», наконец-то вспомнилось мне. Нельзя поломать свою судьбу, потому что ей уготована великая цель.

Меня отпустили и повели под руки между рядов. Чувство было такое, как будто меня ведут на плаху.

За спиной послышался занудный голос ректора:

— Вызывается на допрос нарушитель устава... Кто там у нас по списку следующий?. Марк Каюмов...

Фамилия и имя показались знакомыми, но лицо не успел разглядеть. В этот момент кинул бумажку из зала. Я оглянулся, скользнул взглядом по головам сидящих в рядах. Предыдущая личность моего носителя, вернее, его память прорывалась и подсказывала. Вот Игорь Антуанеску, сын барона. Устроил драку в туалете, я тогда сильно травмировал колено. На смуглом лице застыла злорадная гримаса — он явно радовался тому, что со мной произошло. Вот Евгений Анадырёв, порвавший мой конспект по микрогравитации. Микув Сотрин — тайком подлил мне в чайник спиртного, а затем пожаловался коменданту.

Всё это было обрывками памяти, бессвязными вспышками, ответами на образы где-то с периферии коры мозга. Сознание, вся центральная нервная система уже были замещены мною. Я припоминал, что все эти парни входили во что-то вроде местного закрытого клуба, или банды, или чего-то в этом роде.

От каждого сидящего тянуло какой-то злой силой, словно излучением — это было новое чувство, но тогда я всё списал на адреналин. Ничего. Я всех запомню. И всем отомщу — не зря же я сюда пришел. Следует отблагодарить моего нерадивого двойника за то, что предоставил тело. А после уничтожу этот чёртов мир.

Мы вышли из зала и оказались в просторном вестибюле. Сперва я заметил охранника, стоявшего у входа. Затем поднял голову наверх...

«РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАТИВНАЯ ИМПЕРИЯ»*

Даже беглого взгляда хватило, чтобы понять, что десятиметровая карта на стене выглядела, мягко скажем, весьма непривычной. Сибирское море вместо равнины, куча незнакомых островов, изменившаяся береговая линия... И десяток кусков-врезок по краям, обозначающих, по всей видимости, заморские колонии и протектораты.

Голос в голове, оставшийся от прошлого владельца тела, подсказал непонятные топонимы. Зеленогорье... Кауаианский Островной Край... Папуасский край. Петроостровский край. Сомалиляндский край. Русско-Арктическая республика. Алеутская Республика.

Разобраться с политической картой — одна из первых вещей, что следует сделать, когда мир отдан на заклятие. Я был рад, что узнал об особенностях мира так быстро. Но взглянув на

изображение, я ожидал несколько иного портрета жертвы. И вообще, с Империями конца ХХI века я работал считанные разы, обычно в обречённых мирах отечество разодрано на части.

Мои размышления прервал вышедший из зала преподаватель. Молодой, худой, в чёрной мантии и при усах. Пожалуй, его лицо выглядело наименее отталкивающим среди всей той команды, которая засудила меня.

Охранник меня тут же отпустил.

— Ну, Циммер, я пытался, — преподаватель развел руками. — Если бы не ваша финальная речь... Я думал, что она будет более эмоциональна! Про карцер, как вы понимаете, была... игра на публику, так что мы можем произвести отчисление сразу, чтобы никого не задерживать. Я уже позвонил в канцелярию.

Имени-отчества его не вспомнил, но он показался мне искренним, и я кивнул.

— Лучше сразу. Спасибо. Верю, что пытались.

На лице преподавателя на миг отразилось недоумение.

— С вами... словно что-то произошло, Циммер. Чувствую нулевым навыком. Всё в порядке? Нет, наверное, показалось. В общем, берегите себя.

— Всего хорошего, — кивнул я.

— Оревуар.

Меня повели по длинным коридорам.

— Ваше благородие, — сказал охранник. — То, что вы мне врезали — я вам прошу и никому не скажу. Но давайте мы так делать больше не будем.

Тут я внезапно понял, что уже давно изнываю от жажды, и спросил у охранника:

— Водички не найдётся?

Тот опешил и указал на выступ в стене.

— Вот, питьевая колонка. Но сперва скажите. Вещи сразу заберёте? Думаю, вам будет лучше убраться поскорей, потому что сейчас из зала пойдет толпа.

— Давайте сразу, только дайте попить, — кивнул я и направился к указанной нише в стене.

Там была истёртая кнопка с выгравированной каплей. Нажав на неё, я обнаружил вполне знакомый кран кулера и одноразовые стаканчики.

После переселения в новое молодое тело простая вода показалась напитком богов. Я мог выпить, казалось, целое ведро, но ограничился всего парой стаканчиков, затем скомкал тару и обернулся к охраннику. Тот коснулся гарнитуры в ухе. Только тут я заметил её наличие.

— Мне сообщили, что ваши вещи уже забрал комардин. Пройдёмте в канцелярию для оформления бумаги.

— Кто забрал?

— Эм... Ваш камердинер. Я забыл, как он назвался. Сид, кажется. Как-то так.

Сид, славный малый — прошлый владелец моего тела напомнил мне про него. Странного вида парень чуть старше меня работал слугой в доме у моей матери, периодически катаясь и ко мне, а сам дом...

Стоп. Я встал как вкопанный. Мои родители живы. Причём оба, хотя в большинстве известных мне реальностей я был или полным, или неполным сиротой. И "ваше благородие" охранник сказал не шутки ради. Я был дворянином, как и большинство учеников в этом заведении.

Я взглянул в окно. Это не Москва, хоть университет и назван московским. Так где же я? Кто же я?

— Здорова, барь, — послышался баритон за спиной. — Ну, че как?

«Барь» — сокращение от «барин», подсказал голос в голове. Я обернулся. Подобное тянется к подобному, вспомнил я. Музыка и культура в мирах развиваются схожими путями, и представители подобной субкультуры встречались мне уже ни раз. Я знал их как конкретистов,

черновиков, буззеров, где-то они были даже строго запрещены, но в ветвях Главного Пучка их знали совсем под другим названием.

В общем, передо мной стоял самый настоящий металлога — косая сажень в плечах, длинные чёрные, как смоль, волосы, кожаная куртка с шипами и короткая борода. А лицо было добрым, даже простоватым. На плече висел рюкзак, показавшийся мне знакомым, в обеих руках он держал сумки.

— Ты письма так и не прочитал. Валентина Альбертовна отправила меня скорым рейсом, как узнала о созыве педсовета. Я уж вон вещи твои собрал в общежитии, как узнал.

Валентина Альбертовна — моя мать. Так её зовут или звали во всех посещённых мной реальностях, за исключением одной — в которой мои родные бабушка и дедушка развелись, и она получила другое отчество ещё ребёнком. По национальности я был той ещё гремучей смесью: по четверти русский, немец, татарин-крящен и малоросс.

Значит, Империя — ещё та, с корнями в XIX веке. Значит, я — дворянин. Значит, он — мой камердинер. Но почему тогда на «ты»?

Я осмотрел вещи в руках Сиды.

— Здесь точно всё? Что-то маловато, — интуитивно предположил я.

— А тут только одежда и личные предметы, — пояснил Сид. — Из шкафчика и тумбы. Рихнер отключил и забрал, обернул свитером. Комендант сказал, учебные материалы — Курьеркой после проверки.

Что такое «рихнер» я понятия не имел. А что такое "Курьерка" — догадывался, но с трудом. Всплыл в голове красно-белый герб какой-то службы.

— Ваше благородие, — проворчал охранник. — Если уже решили выписываться, то уж после будете общаться с вашим слугой. Пройдите скорее в канцелярию и получите свидетельство о выписке.

Я последовал за ним. За стеклом сидела типичная тётка-бюрократ в стильном жакете, но ничем не отличавшаяся от подобных кадровиков и методистов в иных учебных заведениях.

— Фамилия?

— Циммер. Эльдар Матвеевич.

— Циммер... знакомая фамилия. Это титулованный или столбовой? — подняла она взгляд исподлобья с небольшим интересом. — А, поняла. Те самые Циммеры. Москвич... Это про вас там сегодня педсовет собирали? Сейчас всё будет.

Из неприлично здорового и удивительно тихого принтера вылез бланк с печатью. Я тем временем осматривался по сторонам. На стене — портрет молодого человека в шапке Мономаха. Николай VI, вспомнилось мне, государь император. Только вот империя, как гласила карта и подсказывали воспоминания, непростая. Федеративная. На столе — компьютер с очень тонким для 2010-го года и весьма стильным монитором, на котором виднелся какой-то примитивный интерфейс, а рядом лежал мобильник. Вспомнив, инстинктивно пошарился по карманам и выудил аналогичный. Тонкий, лёгкий, непривычно узкий, с едва выпуклой физической клавиатурой и двумя инкрустированными кристаллами.

Палец рефлекторно нашёл кнопку питания и нажал. Экран оказался сенсорным. «Звонки, Почта, Городская сеть, Изображения, Таксомотор, Кошелёк, Музыка, Синема...». Ну, примерно соответствует эпохе, подумалось мне.

Но пролистав ниже к описанию телефона, я оказался весьма удивлён названию модели «Циммер-406а». Мой телефон оказался моим однофамильцем.

Интересно, каким образом это получилось? Фамилия моя была не самая распространённая в России, но и не самая редкая. Что-то подсказывало, что в этом замешаны родственники, но пока что спросить об этом было не у кого. Оставалось только ждать.

Обратил я внимание и на дату. 27 февраля 2010 года. Суббота. Получается, самый конец зимы. Значит, отчислили в начале семестра.

— Если вещи все забрали — ключи от апартаментов сдайте, будьте добры, — сказал охранник.

Я пошарил по карманам и отдал ключ. Просмотрел документ: выяснилось, что я второкурсник на отделении «прикладного камнерезания в промышленности», и что по большинству предметов стояли тройки и четвёрки. Свернул и сунул в нагрудный карман. Мы зашагали по длинным и полупустым коридорам к выходу из здания. Сид некоторое время молчал, затем сказал:

— Ничего. Не страшно. Да, типа, мечта детства была — понимаю. Камнерез-сенситив. Профессия прибыльная. Склонности опять же семейные. Сколько там, говорил, процентов сечение показало? Анализы же сдавал.

— Не помню, — признался я, потому что понятия не имел, что за анализы он имеет в виду.

— Полезно для народного хозяйства. Шанс по-быстрому повысить ранг с пятнадцатого до десятого сразу. Ведущим инженером первого ранга стать в двадцать пять. Но ничего. Других профессий много. Вернёшься сейчас в Москву. Валентина Альбертовна соскучилась. Нинель... барыня Чистякова из соседней усадьбы. Помнишь, рассказывал в первый год, что в трубу за ней подглядывал? Теперь совершеннолетняя... Красивая девица... Ладно, пардон. Заговорился.

— Да не. Продолжай. Интересно, — сказал я, мне и действительно было любопытно.

К тому же я почувствовал, что при упоминании этого имени что-то в душе шевельнулось. И это что-то явно осталось от прошлого владельца тела.

Даже отчество всплыло из глубин памяти — Нинель Кирилловна.

— Ну, я к тому, что наверняка по тебе сохнет. Тоже будет рада, что вернулся. Вы же переписывались?

Глава 2

Чем ещё заниматься молодому человеку моих лет, кроме как подглядыванием и перепиской с юными красивыми девушками? Всё выглядело логичным. К тому же, чем более юным был мой реципиент, тем, как правило, скромнее и застенчивей он был.

Что ж, придётся и это исправлять.

— Вот. Ты говорил, что даже писала тебе что-то такое личное. А про работу... до осени найдёшь. Ты, главное, Эльдар Матвейч, теперь не переживай на тему того, что у тебя камердинер — студент, а самого отчислили. Как там, по-умному... не комплексуй.

Я не ощущал беспокойства. Мне, скорее, было жутко интересно, что вокруг происходит. Но вида я не показывал и глупостей не делал: хватило ошибки на самом заседании. На последней фразе я взглянул на лицо спутника. Издёвки не было. Похоже, этот Сид действительно хотел помочь, приободрить и успокоить. В разговоре не ощущалось никакого лакейского тона, и выглядел парень вполне искренним.

— Напомни, где учишься? — решил я всё же завязать беседу.

— Музыкальное же. Заочное. На звукорежиссёра! — Сид неуклюже приоткрыл передо мной парадную дверь, и я увидел город. — Эк тебя переклинило.

Вдаль уходил достаточно широкий проспект с невысокими пятиэтажными домами в европейском стиле. За ними, километрах в пяти, высился квартал небоскрёбов, напоминавших по стилю арт-деко. Я едва не присвистнул: наибольший был не менее трёхсот метров в высоту. Над ними кружило небольшое транспортное средство — не то вертолёт, не то автожир. Но затем я перевёл глаза на объекты поближе, на сквер, который раскинулся прямо напротив входа, и был удивлён ещё больше.

Там росли вперемежку берёзы, сбросившие листву, и пальмы, а вокруг краснели поля тюльпанов цветущей агавы и других тропических трав.

И это в феврале. Я с ходу и не понял, что для такой даты слишком тепло.

Глобальное потепление? Или та самая магия, о которой говорил Верховный Секатор? Или — и первое, и второе? Разгадок пока не было.

Оглянулся назад, прочитал вывеску.

**“МОСКОВСКИЙ ИМПЕРАТОРСКИЙ КАМНЕРЕЗНЫЙ УНИВЕРСИТЕТЪ
им. Николая I. ВЕРХ-ИСЕТСКИЙ ФИЛИАЛ”.**

И чуть ниже:

“Коллегия Высшего Образования Пермской Губернии”.

Верх-Исетск, подсказал мне парень, чей разум сидел в черепной коробке до меня. Город на уральской реке. Пятый по величине город в Империи. Финансовая, промышленная и культурная столица Урала. Губерния значилась Пермская, но уездный город был больше Перми почти вдвое. Сид подтолкнул меня в бок, указывая правильный путь с крыльца по лестнице.

— Ты куда? Вон же автомобиль вашей тётушки. Ты прямо сам не свой. Молчаливый какой-то... Вопросы странные задаёшь. Надо тебя будет лекарю показать...

— Не надо лекарю!

При слове “лекарь” я вздрогнул и потёр шею. Поскольку память местного Эльдара была частично утрачена и просыпалась случайно — мне ничего не оставалось, как поиграть в амнезию. Трюк старый, избитый и надоевший многим бывалым Секаторами, но мне он всё ещё нравился.

Я остановился у машины и признался:

— Надо будет, надо, Сид. Знаешь, у меня словно память отшибло после этого совета. Очень многое не помню. Тебя с трудом узнал.

Сид опешил на миг, но не растерялся.

— Да и хрен на них всех. Память отшибло, говоришь? Полечим, напомним. Прыгай, барь, на переднее, я на заднее сумки кину. Ну или как хочешь, конечно.

Автомобиль совмещал в себе обводы старинных лимузинов: завитушки вокруг круглых фар, узорчатая решётка радиатора и лакированные деревянные ручки. И общая квадратность позднесоветского автопрома из других Ветвей. Рядом со стоящими рядом вычурными иномарками он выглядел так себе. Обшивка салона тоже видала лучшие времена. Ладно хоть нормальный ремень безопасности здесь в своё время изобрели. Видал я один мир, в котором их в обычных автомобилях не предусматривалось.

Когда пристегнулись, завелись и выехали на проспект, Сид протянул:

— Память... как меня зовут же помнишь?

— Сид, — кивнул я.

— А фамилия? — прищурился комардин.

— Вот это не помню, слушай, — признался я.

— Да, дело дрянь. Макшеин я. У меня в предках, я рассказывал, беглые шотландцы были. Как у деда твоего в Казани чуть цех не пожгли, помнишь?

— Дед... Что-то припоминаю.

Деда я помнил очень смутно — в других жизнях он редко доживал до моей зрелости, а в этой, судя по всему, видел его редко. Зато вспомнился его портрет — лихой лысый мужик с короткой бородой и странным ручным животным — не то хорьком, не то мангустом.

— А как год назад к филиппинкам в массажный ходили? Ты испугался, и мне за двоих пришлось отдуваться, помнишь?

В голове всплыли образы — полумрак, ароматические палочки, смуглые, скользкие голые девушки... Но неясно, были ли это воспоминания бывшего владельца тела или же ассоциации с филиппинскими массажистками из прошлых жизней.

— Звучит очень интересно, но нет.

— Куда хоть едем — понимаешь?

— К... тётке? — всё ещё немного неуверенно предположил я.

Сид кивнул, почесал загривок.

— К Мариэтте Генриховне. Ну хоть на "ты" обращаться разрешаешь, как все прогрессивные, значит, всё нормаль. Но вы скажите барин, ежели вам некомфортно сие общение с простолюдином...

— Всё нормаль, Сид. Комфортно.

Тут я нисколько не врал. Изначальное впечатление было положительным, и по опыту я знал, что близких по духу людей, независимо от статуса и ранга, всегда стоит держать рядом. Тем более, когда угораздило начать свою миссию в возрасте студента.

Была у такой дружбы и обратная сторона. Сколько близких людей я похоронил в тех мирах, которым было суждено погибнуть! Сколько судеб оборвалось, сколько линий жизней пересеклось с моими и разминулось навсегда.

Я прогнал эти мысли. Сейчас я находился в начале нового долгого пути. Уничтожение мира — сложный процесс, и приспешники всегда полезны. К тому же, многие знакомства от мира к миру имеют свойство повторяться. Лицо Сида показалось мне знакомым, как и фамилия — разве что имя в иных мирах наверняка было другим.

— Хорошо! — Сид приободрился. — Как-никак, сколько уж служу... пятый год. С семнадцати лет. Тебе же четырнадцать было, когда я пришел к вам по распределению от дворянского дома. В шестнадцать подарили.

Дворянский дом, откликнулась память тела. Что-то вроде регионального профсоюза дворян или небольшой корпорации. Крепостные здесь были и земельные, и губернские. Распределяемые всем родам, исходя из статуса и бюджета. А еще были крепостные кремлевские, купечество, служивые люди и еще с десятков более редких сословий.

Начинали вспоминаться и другие факты — взаимоотношения между генерал-губернаторствами. Московское и Уральское друг друга весьма недолюбливали, и ведущими отраслями промышленности владели разные дворянские рода. "Ты изгой", — зазвучала в голове фраза. — "Как и твой род". Ничего, исправим.

Я ехал и чувствовал, как душа молодеет. Опасность, военное время и отсидки в бункерах позади. Взгляд вместо признаков возможной угрозы всё чаще выхватывал из толпы на перекрестках красивые женские фигуры, бёдра в мини-юбках и коротких шортах, цеплялся за декольте.

Поглядывал и на архитектуру главного проспекта. Здания стояли невысокие, в основном в стиле классицизма и псевдо-русском — эдакие терема, покрашенные в яркие, хоть и изрядно выцветшие цвета. Попадались и новомодные стекляшки, слегка выбивавшиеся из общего стиля, а также суровые кирпичные дома без особых изысков. Проезжали трамваи и автобусы обтекаемых форм, современные и тоже бесшумные. Реклама была неброской, вывески стильные, а названия на них — незнакомые.

Мы проехали мимо большой стелы "Екатерининский Район", стилизованной под заводскую башню и большого терема с вывеской "Горноуральская цивилизация — опора Империи".

— Никогда не понимал эту горноуральскую эстетику, — прокомментировал Сид. — Сепаратизмом пахнет. Социалисты эти ещё. Хотя музыка здесь отменная, много хороших электроджазовых групп. Эх, завтра концерт банды "Продам Волосы", при поддержке музыкантов "Кедры-Выдры". Помнишь, водил как-то в клубешник?

— Нет, — признался я

— Ладно, потом вспомнишь. Кстати, сейчас включу, нашёл тут хорошую волну, как раз заценишь.

Он поковырялся в магнитоле, настроился на волну. Переключения шли плавно, как в интернет-радио, хотя эпоха еще на такое не располагала. Или, всё же, располагала? Пока я не до конца понял уровень развития этого мира. Пропустив пару сладкоголосых певиц, исполняющих на французском и испанском языке, Сид включил достаточно весёлую группу с духовыми и странными текстами.

— "Кобыла и безумные кашевары", — усмехнулся Сид. — Не совсем мой стиль, но...

Договорить он не успел. Под мигающий синий (только тогда я заметил, что здесь он был вместо зелёного) сигнал светофора нам в бок влетел джип.

Мне везло. За все двести с лишним жизней мне доводилось попадать в аварии всего десять раз. И всего один раз я был травмирован достаточно тяжело. В этот раз тоже ремни сработали хорошо. Дёрнуло вперёд и немного вбок, машину развернуло, мы залетели на бордюр. Скрипнули рёбра, стёкла пошли мелкой сеткой, а в задней двери образовалась мощная вмятина. Подушки безопасности не сработали. То ли их не было в этой модели машины, то ли удар был недостаточно сильным для срабатывания. Сид выругался.

— Ты в порядке, барин? Всё нормаль?

— В порядке.

— Первый раз у меня такое... выходите.

Я освободился от ремней и вылез из машины, Сид последовал за мной. Джип, блестящий, лакированный, остался стоять с разбитой фарой на перекрёстке, и из него уже вылез бугай в красной куртке с непонятной надписью. Бородатый, смуглый, с резкими чертами лица и совершенно непонятной национальности. Он прошагал до самого нашего капота, кулаки были сжаты, незнакомец пёр на Сиду с явным намерением начистить ему морду.

— Ты вёл?! Ты чего медленно ехал? Ты кто, твою мать?! Холоп! На кого попёр?

В зажатом кулаке я заметил золочёную квадратную печатку на два пальца, что-то вроде небольшого кастета. Сид, наверняка тоже это заметивший, стоял смирно. Он был почти на голову выше и крепче, но стоял покорно, спокойно — видно было, что это не в первый раз.

И причиной тому, как я догадался, было местное сословное деление. Соучастник ДТП, наконец-то, заметил меня и приподнял кулак.

— Дай я ему врежу, а? Чтобы знал!

— Дима, брось, поехали уже, — слышался женский голос из джипа. — Опаздываем!

Оформи упрощёнку и поехали, Дима-а!

Но бугай уже замахнулся на Сиду и его кулак встретился с выставленным локтём.

— Ты на кого руку поднял, шваль! — заорал Дима. — Я тебя на каторгах сгною! Ты у меня!...

Меня он словно не замечал. По весу и силе я был явно слабее, но решил взять ловкостью. Рука снова замахнулась, но я был уже рядом. Перехватил запястье и принялся заламывать руку назад. Затем мой ботинок ударил по его лодыжке. Рука дёрнулась вверх, и морда незнакомца припечаталась к капоту нашей машины.

У меня возникло большое желание сломать ему руку, но разум возобладал — вряд ли у меня на это хватило силы. Поэтому я применил болевой приём, заломив мизинец и придавив коленом к капоту. Удивительно, но навыков хватило — даже при большой разнице в весе удержать удалось.

— Ах ты гнида! Отпусти! Ты кто такой? Ты охренел на меня лезть?! Я — второй гильдии! Тлинкит! Аляска — сила!

Тлинкит? Никогда раньше не слышал такой народности. "Вторая гильдия" — это что-то купеческое, подсказали познания истории. Значит, ниже по сословию.

— А я — дворянин. Московский. Циммер моя фамилия.

После непродолжительной паузы он снова заголосил, правда, чуть потише.

— Грёбанные москвичи! Ты чего тут забыл? Пустит! Плати за ремонт давай! Или что, страховщиков будем вызывать? Давай на месте разберёмся.

Из машины выскочила девица — яркой восточной красоты, на высоких каблуках, в коротком красном платье и с вызывающим макияжем. Подбежав поближе, она встала рядом и принялась орать:

— Пустит! Пустит его, чего держишь?! Нам надо ехать!

Её высокая упругая грудь в платье с глубоким декольте, находившаяся всего в метре от меня, вызвала где-то глубоко в душе и организме позабытый прилив бодрости. Я с радостью вспомнил, что мой организм теперь куда моложе, чем был ещё пару часов назад. Скорей бы им воспользоваться — при столь раннем возрождении держать себя в узде очень нелегко.

Вокруг собирались зеваки, затрапезного вида горожане разных сословий. Я обратил внимание, насколько различаются лица. Проходили мимо и останавливались люди и кавказского типа, и среднеазиатского, и неожиданно много северного, круглолицего. Было даже двое темнокожих, причём весьма прилично одетых, в сюртуках и шляпах.

Я поймал взгляд одной роскошной молодой дамы, переходящей дорогу рядом с аварией в сопровождении хмурого парня в пиджаке, и невольно посмотрел ей в зону декольте. От всего её тела словно шёл жар, который чувствовался за несколько метров. Это было почти то же чувство, что я испытывал в зале, проходя мимо рядов однокурсников. В ответ она пронзила меня взглядом, полным одновременно страсти и злости, а в голове отзвуком прозвучало: "Что пялишься? Попробуй, завладей мной, юнец!". На миг мне стало не по себе: что это, какие-то телепатические способности, которые бывают у некоторых из местных? Или какое-то безумие, вызванное юношеской похотью моего реципиента? Ответа пока не было.

Сид тем временем достал из кармана телефон — у него он был куда больше моего, ядовито-зелёного цвета, с чёрными наклейками и выдвижной физической клавиатурой. Местного порядка оформления ДТП я не знал, потому вопросительно взглянул на Сиду. Сид понимающе кивнул и обратился к товарищу на капоте, вежливо наклонившись поближе к лицу.

— Так, сударь, позвольте ваше фио, сейчас свяжемся со страховой службой Уральского Дворянского дома. Не соблаговолите ли отпустить его, барин? Я прослежу, чтобы вам обоим не было никакой физической угрозы?

Я отпустил. “Дима” отряхнулся, скрестил руки и демонстративно присел к нам на капот. Отпустил, как выяснилось, вовремя. Через пару минут валяжно подошёл местный полицейский — в высокой шерстяной шапке и лацканами. Он, как и тот охранник, был с усами, да и вообще, при усах было достаточно много прохожих.

Видимо, было модно. “Усатые” миры не особо нравились, но выбирать не приходилось — придётся привыкать.

— Упрощённое? Раненые есть?

— Упрощенное, раненых нет, ваше благородие, — отозвался Сид.

Полицейский кивнул, выписал какую-то бумажку с крупно написанной датой и печатью, затем выставил её рядом с машиной.

— Производите фотографирование.

Я полез в карман, но Сид странно на меня посмотрел, достал свой телефон, прицелился, щёлкнул. Соучастник последовал за ним, затем пробубнил ему что-то — вероятно, номер, сел в джип и уехал. Затем Сид поговорил с парой зевак, сделал ещё пару снимков и вернулся ко мне.

Мы остались стоять рядом с разбитой машиной. Мой камердинер снова перешёл на “ты”:

— Я тебя, барь, честно говоря, не узнал. Ты где так ловко рукопашке научился?

— Фиг знает. Нашло что-то, — я растёр растянутые запястья. — Да и разве это “ловко”?

— Жалко “Лань”. Хорошая машина. Эх, был бы я выпавшийся! Заметил бы лихача. А то всю ночь летел, толком не спал.

Честно говоря, интуиция подсказала, что поблажек давать не стоит — всё же, я барин, а он, хоть и старше, но мой крепостной. С другой стороны, начинать общение с новообретённым товарищем со скандалов не хотелось. Мне подумалось, что самое время задать пару вопросов.

— Будь осторожнее, Сид! Этот парень сказал, мол, чего я, москвич, здесь забыл. И правда, чего?

— Ну... Ты же знаешь. Циммеров не очень любят в Москве, прямо скажу. Тем более, после того, как родители твои развелись. В лицее над тобой... потешались разные ушлёпки. Да и ты сам с детства всё мечтал в камнерезы, “Уеду к тётке на Урал”, говорил. Типа, тут — лучшая школа. Филиал крупнее московского отделения.

Итак, значит, родители мои были в разводе. Что-то подсказывало, что это создаст определённые проблемы.

— И, как я понимаю, здесь я тоже стал изгоем?

— Московских дворян местные не любят, это да. Да и не только местные дворяне. Дворян вообще мало кто любит.

— Я заметил, — усмехнулся я, растирая всё ещё болевшую руку. — Тут какие-то банды в университете были. Не знаешь подробностей?

— Не знаю, ты не рассказывал особо. И обычно в такие дела дворяне своих крепостных не посвящают. Спасибо, что не дал ему по морде съездить. Я бы тоже ему врезать хотел бы. Но меня ж потом, действительно, по каторгам затаскают! Ладно, заболтались мы. Сейчас тебе такси до Мариэтты Генриховны вызову, — сказал Сид. — Не в общественном же транспорте толкаться.

— А это куда? — кивнул я на машину.

— А сам в мастерскую отгоню. Только бы... за ремонт сразу денег скинуть, барь. Я запросил в Дворянском доме, все фотографии письмом послал, те сказали, что компенсируют. У них юристы хорошие.

— Так. Давай, показывай, куда.

Я достал смартфон и нажал на кошелек.

“Вас обслуживает Московский Дворянский Банк.

Введите пароль.

Запомнили? Просите звонок”

— Пароля твоего, конечно, я не знаю, — вздохнул Сид. — Никогда не говорил, тебя маменька... то есть, Валентина Альбертовна приучила ещё в юности. Запроси звонок, восстанови.

Приятный женский голос сперва спросил, как обращаться, а когда я назвал ФИО уточнили: “Сударь” или “Ваше благородие”. Назвал второе — надо привыкать. Затем последовала проверка даты и места рождения, номер паспорта — его я подглядел в бумажке, выданной в Университете.

— Личность подтверждена. Ваш временный пароль будет выслан вам в цифровую почту, ожидайте. Доброго вам дня, Эльдар Матвеевич!

Наконец, после непродолжительного ознакомления с интерфейсом, пока Сид терпеливо ждал, я, наконец, вошёл в платёжный кошелёк. Там было две выделенные жирным цифры:

“Платёжный счёт: **255** руб. 12 коп.

Накопительный счёт: **15067** руб.”

Ниже виднелись акции: некие “Газкартель”, “Собрбанк”, “Мангазея”, “Русско-филиппинская компания” и ещё десяток ни о чём мне не говорящих, но внушающих уважение компаний. Общая их сумма была в районе тысячи рублей. Ещё ниже было несколько кнопок: “Свой Двор”, “Своя Недвижимость”, “Свой Транспорт”. Для интереса тыкнул на “недвижимость”. Там оказалось пусто.

Насколько я помнил историю других реальностей, подобные платёжные системы обычно появлялись куда позже, на десятилетие, а то и на два. Пока что оценить местный курс рубля я не мог. Впрочем, узнать это было достаточно просто:

— Сид, сколько скинуть-то? Ремонт сколько стоит примерно?

— Стекло дорогое будет. Пять. Может, девять — десять в сумме.

— Тысяч?

— Чего?! — Сид выкатил глаза. — Не, барь, точно к лекарю. Как будто с Луны прилетел. Мощно тебя там, в зале этом приложили.

— Хм. А сколько всего машина стоит?

— “Лань” двенадцатая-то? Новая — тысячи полторы, а эта — от силы пятьсот.

И тут я присвистнул. Полторы тысячи за машину и десять рублей за ремонт означали, что на платёжном счету у меня была пара среднемесячных зарплат, а на накопительном... Судя по накопительному — в других мирах я бы считался миллионером уже в девятнадцать.

Подъехало моё такси — лакированная чёрная машина. Сид закинул сумки, приоткрыл мне дверь и сказал извиняющимся тоном:

— Если можешь... объясни Мариэтте Генриховне, как всё было. Я её боюсь, строгая больно. Я за три часа постараюсь уложиться — забегу покушать.

— Квартира! — догадался я крикнуть напоследок. — Скажи адрес. Я же всё забыл, ты помнишь?

— Тридцать пятая, комплекс “Татищевский”! Ну, бывай, барь.

А затем прыгнул на переднее сидение разбитой “Лани” и осторожно порулил, высунувшись в окно.

Мне ничего не оставалось, как ехать знакомиться с тётушкой из этого мира в гордом одиночестве.

В большинстве посещённых мной миров старшая сестра отца Мариэтта Генриховна либо умерла во младенчестве, либо жила где-то очень далеко с толпой моих двоюродных братьев и сестёр и знать нас не желала. Либо, того хуже, спилась и вела маргинальный образ жизни.

Поэтому чего ждать я не знал.

По дороге я ознакомился с контактной книгой и списком звонков. Чаще всего в последние дни звонили контакты: “Мама”, “Тётъ Мари”, “Сид” и “Марк Каюмов”. Я вспомнил, это его потащили на публичную казнь перед залом после меня. Возможно, он был моим приятелем.

Тётка почти не звонила, последний звонок был больше месяца назад. Точно так же, как и отец: от того вообще последний звонок числился в Рождество.

В сообщениях чёрт ногу сломит: в основном про обучение, но с парой человек, в том числе с Каюмовым переписывался и на тему каких-то неведомых местных игр, не то цифровых, не то настольных.

Посмотрел галерею фото и слегка разочаровался. Во-первых, качество фотографий не вполне соответствовало эпохе. Ни одной фотографии красивой девушки или чего-то запрещённого. Мой двойник казался мне исключительно скучным и скромным типом. Сплошные фотографии учебников, каких-то каменных пластинок, станков, фрезеров, досок и тому подобного. Пара фотографий из ресторанов, похоже, достаточно дорогих. Много фото из картинных галерей и всего несколько карикатур или мемов на политическую тему, юмор в которых я не уловил.

Мы прокатились по главному проспекту, свернули в сторону невысоких домов, утопающих в зелени, и остановились у длинной яркой пятиэтажки с вычурными колоннами, арками и выюнами, доросшими до третьего этажа. Приглядевшись, я понял, что это не выюны, а это самый настоящий виноград, который уже зацвёл. Виноград на Урале — что-то новое, подумалось мне.

Услужливый таксист, смуглый, похожий на кавказца, в цветастой рубашке, помог погрузить в просторный лифт, а затем молча остановился у дверей, ожидая чего-то.

— Сколько? — догадался я и стал рыться по карманам.

— Ежели наличностью — то полтинник, — немного удивленно сказал таксист. — А так — семьдесят две копейки.

Принятую здесь сумму чаевых я не знал, но на всякий случай решил округлить. Недолго поразбавившись с механизмом оплаты, я набрал восемьдесят на телефоне, пароль, а затем коснулся телефонами с таксистом. Механизм не очень удобный, но зато защищенный. Таксист мой жест оценил.

— Спасибо, сударь! Сейчас помогу сумки до лифта донести.

В подъезде я сразу обратил внимание на двух парней рабочего вида, куривших около почтовых ящиков. Когда я окончательно погрузился в лифт, а таксист откланялся и хлопнул дверью подъезда, пара пришла в движение.

— Сигареты имеются, барь? — спросил первый из них.

Глава 3

Ох, как часто я слышал такую фразу во всех известных мне мирах. Какие разные ситуации случались в моих жизнях после того, как кто-то просил закурить. Сломанные руки, переломы, пару раз — выстрелы из огнестрела. Любителей стрельнуть сигарету я не любил, и мне не очень хотелось бы с первых дней оставлять после себя след из смертей и разрушений, хотя при прочих равных — всё равно, как начинать путь. Увы, в этот раз физическая форма была не на моей стороне. Да и руки оказались заняты для мгновенной реакции, правая рука — телефоном, а левая — одним из пакетов, поэтому я мягко сказал:

— Нет, не курю, — и нажал третий этаж.

Я, и правда, не курил ни в одной из реальностей, которую мог вспомнить. Но прозвучало это не убедительно, да и, судя по всему, никто и не собирался курить. Грязноватый сапог встал в створ лифтовой двери.

— Вы куда, барин, почему пообщаться с рабочим классом не хотите? Вы брезгуете?

В дверной проём легла рука. Лифтовая дверь поехала в обратную сторону. Парни стояли ровно, и выглядели не особенно агрессивными. Ростом они были с меня, а по комплекции — не сильно мощнее. Один крутил в руках отвёртку, второй грыз семечки, бросая щелуху на белоснежный ковролин. Похоже, они просто развлекались, а не планировали ничего серьёзного.

Или нет? Я вспомнил про тот закрытый клуб моих однокурсников из знатных домов. Неужто они подослали?

Я решил поразвлечься и заодно проверить себя. Первым делом огляделся по сторонам: никого, напоминающего консьержку или охранника тут не было, что совсем не вязалось с образом приличного дворянского дома. От лифта вдаль уходил длинный коридор, напоминавший проход в отеле или общежитии. Да, положение было не самым удачным: по сути, я был загнан в угол. Я бы мог попытаться оттолкнуть их и снова вызвать этаж, чтобы закрыть дверь, но это было бы позорным бегством. Встал в проём двери лифта, чтобы защитить своё имущество.

— Почему же. О чём хотите побеседовать, судари?

— Ты за социалистов или за дворянское сословие? — спросил второй, не по возрасту шепелявя.

— За дворянское, конечно же.

— Ах ты... — он шагнул в мою сторону, но его приятель с отвёрткой остановил его.

— Стой, стой. Видно, барь молодой, не шарит, в жизни не разбирается. Ну-ка... А что за телефончик у тебя?

Он шагнул ближе ко входу в лифт, рука потянулась к аппарату, но я коротко показал аппарат и сунул в карман.

— Циммер. Именной. Прости, дружище, не продаётся.

— Именной... — парень разочаровался. — Да, каменный. Циммеры не ломаются. А в пакетике чего?

Жало отвёртки коснулось края пакета, отгибая его и раскрывая горловину.

Я отступил в сторону. Мне и самому было любопытно, что там внутри — я и понятия не имел, что там могло бы быть. Свободной рукой я залез на самое дно... и нащупал то, что совсем не ожидал найти в пакете отчисленного девятнадцатилетнего студента.

— Вот, смотри, что там есть, — не меняя тон беседы, вытащил я со дна блестящий чёрный компактный пистолет-автомат.

— Ой, ...! — выругался парень с отвёрткой и отступил в сторону.

— Да что ты церемонишься! — рывкнул второй.

— Ты идиот, что ли?! У него ствол! Сказали припугнуть, а не трогать! — попытался остановить первый, но тщетно.

Его шепелявый приятель не слушал. Продолжая держать в левой руке семечки, он достаточно ловким движением схватил мою руку с пистолетом, толкая меня внутрь лифта.

— Твою мать, тут камера! Валим! — первый потащил его в противоположную сторону, но шепелявому что-то взбрело в голову — он явно намеревался отнять у меня пистолет.

Вторая рука была занята пакетом. Недолго думая, я бросил его на пол — что-то прозвело, явно разбившись. Правую руку заламывали вверх и прижимали к стене, а второй лапищей он попытался схватить пистолет, но я оказался чуть проворнее. Моя ладонь разжала рукоять, левой рукой я перехватил выскользнувший пистолет за ствол и наотмашь резким движением врезал рукояткой по переносице.

— А-а! — заорал парень, схватившись за разбитый нос.

Он отступил назад, семечки полетели на пол. Первый подхватил его, оттолкнул в сторону и замахнулся отвёрткой, но я решил, что хватит, следует отступить, и вызвал лифт.

— Вали давай! — крикнул парень скорее для себя, чтобы оправдать своё отступление и обозначить победу. — Барин сказал: и в Москве тебя тоже найдёт!

Значит, заказ. Значит, это действительно какая-то банда, кто-то из той троицы, с которой у моего двойника были разборки в университете, подослал своих крепостных. Я вспомнил значок, который носила та троица: синий единорог на красном фоне. “Единороги”, как же это банально и наивно. Что ж, меня устраивало отступление тех товарищей. Для мести ещё найдётся время, и это далеко не главная моя цель, для начала требовалось накопить сил, знаний и ресурсов. Лифт приехал на третий этаж, и я с лёгким волнением позвонил в дверь.

— Ну, чего, отчислили, значит? — послышался знакомый голос.

Щёлкнул замок, и дверь открылась. Тётушка выглядела на пятьдесят с небольшим лет, как и должно было быть. Короткая, совсем мужская стрижка, суховатое, строгое лицо. Несомненно, аристократические черты. И совершенно неожиданная, совершенно не дворянская серая домашняя толстовка с огромным нарисованным котом.

— Здравствуй, тётушка. Отчислили, стало быть.

Сам не знаю, почему, но мне захотелось перейти на старинные обороты.

— А второй где? За тобой же поехал?

— Второй разбил твою машину, — сказал я и передал пакет.

Мариэтта Генриховна немного небрежно поставила пакеты в коридор и прокомментировала почти без эмоций.

— Вот говнюк. Что один, что другой — ни на что не годные. Что было-то?

Коротко объяснил, что случилось, что виноваты не мы и что машину отремонтируют за счёт страховой. Мариэтта Генриховна осталась довольна и ругать не стала. Я осмелел и спросил.

— Почему у вас нет вахтёра... дворецкого? Ко мне пристали какие-то типы. Чуть не подрался.

Тётка немного удивлённо на меня зыркнула.

— Как будто не знаешь. Потому что кое-какой дворянский дом жмотится выставить эту ставку в табели крепостных душ. Говорят: зачем, ни одного убийства в районе за год! На первом этаже людские апартаменты, в основном все души наши. Вот и говорят — безопасно. А я откуда знаю, что за шваль там в гости ходит? Камер понаставили, вот и сидим. Целый хоть?

— Целый. Пистолет показал.

— И правильно. Эх, люмпены. Проходи. Там стифадо какое-то Ленка приготовила, сейчас смена закончилась, я пока занята.

Что такое “стифадо” и кто такая Ленка я не знал и решил сразу поставить все точки над “и”.

— Тут такое дело. Мне память отшибло. Что-то переклинило на этом заседании, когда на сцене был... Я с трудом помню, кто вы такая, тётя.

— Не выкай мне тут. Понимаю, тяжело, но кончай придуливаться, ешь иди, — сказала тётка и скрылась в комнате — который, вероятно, был рабочим кабинетом.

Посчитав такую реакцию вполне подходящей, я прошёлся по коридору. Всего комнат оказалось шесть, исключая два санузла и две большие кладовые. Интерьер был минималистичный: белые обои, полное отсутствие декора, лишь пара непонятных тёмных панелей на стене. Бросив вещи в комнату, которая показалась мне наиболее похожей на гостевую спальню, я пошёл в гостиную. Здесь мне предстояло некоторое время разбираться с бытовой техникой, которая несколько отличалась от привычной по последним прошлым жизни в управлении. Духовка — не то микроволновая, не то индукционная — разогрела тарелку неожиданно быстро.

Еда оказалась удивительно-вкусной и напоминала то ли фахитос, то ли рагу: жареные острые овощи, пара из которых была не вполне знакома, мелко рубленное мясо. Обнаружил я и кофемашину, повозился и приготовил вкуснейший кофе. С этим пока тоже повезло, потому что я знал миры, в которых наблюдался жёсткий дефицит кофе, либо культура кофеварения отсутствовала напрочь.

Прислушался к радио, доносящемуся из соседней комнаты. Голос выхватывал разное, что пока едва складывалось в полноценную мозаику.

“Войска командования Норвежской Империи потерпели очередное сокрушительное поражение от бойцов Луизианы на фронтах Виннепегского конфликта. Как мы видим, поставки современного вооружения Североамериканских штатов и Английской империи пока с трудом доходят до столь отдалённого региона...”

“Певица Аямэ Мико в рамках тура посетит Верх-Исетск третьего марта. Билеты в концертном театре “Космос” проданы ещё в прошлом месяце. Как заявляет директор певицы, прозвучат композиции с нового альбома и классические хиты на русском, французском и японском языках...”

“Межпланетный буксир “Воевода-5” приступил к транспортировке новой партии оборудования для сброса на поверхность Марса...”

“Рабочие крупнейших городов Русского Антарктического Союза проведут в следующую пятницу очередную стачку, приуроченную к годовщине Южногорского Восстания. Как утверждает “Голос Антрактики”, общее число участвующих рабочих может приблизиться к двумстам тысячам человек, что рискует серьёзно повредить экономике российского протектората...”

— Держись, Матвейка, — пробормотала тётя после последней новости. — Тяжко тебе там.

Про Антарктику в голове крутились разрозненные факты, не то реальные исторические, не то из местных фантастических сериалов. Когда допивал кружку чуть не подавился. Из коридора мягкой поступью вышла самая настоящая рысь. Небольшая, пятнистая, ростом чуть выше среднего спаниэля, с кисточками на ушах и коротким хвостом. Встала у дверей, поводила носом, потом, осмелев, подошла к столу, поднялась на задние лапы и понюхала тарелку.

— Всё съел. Прости, — сказал я, рискнул и почесал за ухом.

Зверь прищурился, потёрся об руку — видно было, что меня он признал и рад был видеть. В этот миг у меня впервые зазвенел телефон, лежавший на столе. Мелодия была громкой, с писклявым голосом на японском. Экзотический кот испугался звонка и спрыгнул в сторону, болезненно царапнув колено через штанину. Хищник.

Я принял телефонный звонок. Звонила мать.

— Мама!

— Мне пришло письмо из ректората... Получается, всё?

— Получается, всё, — сказал я. — Полная задница.

— Ты как с матерью общаешься?! Да ещё и в такой день! Столько денег вбухали! Полтора года впустую!

— Ну, извини. Я верну. Мам, я очень рад тебя слышать.

Конечно, я уже давно был не столь эмоционален, как во времена моей первой молодости. Но эмоции от общения с родительницей, давно почившей во всех предыдущих моих жизнях, прямо скажем, переполняли. Хотя, судя по тону, я понял, что характер у моей матушки в этом мире был тем ещё подарком — но выбирать не приходилось.

— Вернёшь! Откуда вернёшь? На работу устройся сначала! Думаешь, я тебе позволю в имении сидеть и наследство проедать? У меня тоже с картинами сейчас мёртвый сезон до лета.

Картины... в голове пронеслись образы, оставленные в наследство от моего двойника. Моя мать владела картинной галереей, вспомнил я.

— В общем, дуйте домой давайте. Покупайте билеты на завтрашний рейс. Платить не буду. Пока вакансии в Доме дворянском запрошу. Отцу письмо напиши. Обрадуешь. Теперь точно деревенских не видать, хоть и обещал отписать кого-то. И деду. Чтобы при встрече отхлестал по... как ты выразился? По заднице. Всё понял?

— Ещё бы.

— И чтобы ни по каким электроконцертам не шлялся! И Сиду запрети, я его после драк лечить не буду.

Звонок завершился. Несмотря на полный разнос от маман, я чувствовал себя радостным — подобное чувство испытываешь всегда. Я рискнул выйти из гостиной. Порылся в вещах — нашёл весьма современного вида ультракомпактный системник с незнакомыми разъёмами и разбитую кружку — именно она упала в лифте. К системнику прилагалась пара дюжин тонких, но весьма тяжёлых пластинок с разноцветными корпусами. Судя по всему, местные носители информации.

После сходил в душ, осмотрелся. Увиденное в зеркале меня вполне устроило. Переодевшись в домашнее, вышел пообщаться с тёткой. Кабинет был просторным, не меньше двадцати квадратных метров, и напоминал небольшой цех. Несколько столов с инструментами. Приличных размеров 3D-принтер и маленький токарик. Граверы, груда камней, лампы, два наклонных кульмана с чертежами. Одну из стен занимало что-то, напоминающее небольшой музей электроники. Сотня телефонных трубок, от огромных и квадратных до примерно такой же элегантной, каким был у меня “Циммер-40ба”.

— Чего припёрся? Только не отвлекай.

— Чем занимаешься?

— Браслеты, будь они неладны! Никак пульс не снимают. Не отвлекай. Иди лучше с Эриком Рыжим поиграй, мне некогда было сегодня. Зверь скучает. Ну, или рассказывай, когда по девкам уже гулять начнёшь.

— Начну на следующей неделе, — пообещал я, отчего тётка даже удивлённо оглянулась. — Тётушка, расскажи вот про эту модель?

Я указал на один из первых аппаратов, напоминавший старинный калькулятор середины века с квадратным табло и большими кнопками.

— А, — оглянулась тетя. — Так ты ж спрашивал уже несколько раз, “Циммер-1976” первая модель. Первый российский мобильник, сделанный за пределами Москвы.

— Мобильник? В семьдесят шестом?!

— Дипломная модель моя. В честь деда твоего, Генриха Кристофорыча, героя третьей Японской. Он же помер за год до этого, да... Если бы ты знал, на каком говне я тогда для него камень резала... но запустился! И потом доработанный в серию в тысячу штук заказали, для пожарной службы. Каждый стоил, не дай соврать, рублей сорок. Ладно, Эль, сейчас шить буду, не мешай.

“Эль” — давно так меня не называли. Я остался в комнате и наблюдал за процессом. Тётя сняла чертёж с кульмана, кинула на стол. Достала из микроскопа пластину, засунула в пластиковый корпус и положила в центр чертежа. Уперлась руками в стол, закрыла глаза и

принялась напевать под нос тихую мелодию почти без слов, похожую не то на колыбельную, не то на обрядовую песню.

Мурашки пробежали по спине от этого тихого странного напева. Воздух в комнате словно напрягся. Нечто подобное чувствуешь, находясь в старинных соборах во время службы.

С чертежа снялась и повисла в воздухе тонкая прозрачная плёнка — мелкие линии схемы, слова, пульсирующие квадраты. Схема сначала расплелась на несколько слоёв, повернувшись и повиснув в воздухе, затем принялась сжиматься в крохотный пульсирующий шарик, который с лёгким щелчком влетел в браслет на столе. Браслет развернулся несколько раз, словно волчок, а Мариэтта Генриховна устало хлопнулась в кресло.

Потёрла виски, выпила залпом стакан воды и только затем взяла браслет со стола. Потёрла, коснулась телефона и пробормотала:

— Ну, пробуем...

А затем надела на руку. Экран на браслете загорелся, на нём побежали цифры. Покрутила рукой, поводила, нажала кнопки на краю корпуса.

— Вот чёрт! Опять пульс не измеряет, — сказала она, наконец, выдернула камень из корпуса и ловко бросила в урну, стоящую в углу комнаты.

Я попытался осмыслить произошедшее. Во-первых, я понял, что впервые увидел реальное применение магии в этом мире. Причём не кем-нибудь, а собственной тёткой. Во-вторых, до меня дошёл сакральный смысл местной профессии “камнерез”: это было чем-то вроде мага-артефактора вперемешку с дизайнером, программистом и, наверное, ещё парой других высокотехнологичных профессий. Видимо, магия здесь была тесно сплетена с электроникой и, возможно, чем-то ещё научным.

И в-третьих, что самое ужасное и удивительное, по всему выходило, что мой реципиент учился этой профессии. Следовательно, был склонен к магии. В таком случае, хорошо, подумалось мне, что его отчислили в момент моего вселения. Абсолютно не хотелось мारаться о разного рода магическую гниль.

Хотя что-то подсказывало, что придётся. Ещё не раз придётся, и от профессии и способности так просто не сбежать.

Мои размышления прервал звонок в дверь. Пришёл Сид с сумками продуктов, впустивший в дом молодую женщину.

— По дороге Ленку встретил.

Ленка оказалась горничной тётушки — северных кровей и постарше меня лет на пять. С крашеными в разные цвета волосами и весьма дружелюбной на вид. Когда она скинула лёгкую ветровку, под ней обнаружилась лёгкая полупрозрачная блузка, ничуть не скрывавшая приятную, слегка полную фигуру. Увидев меня, она неожиданно смутилась.

— Добрый день, барин. Давно вас не видела.

— Привет, Лена. Спасибо за... рагу, — сказал я, позабыв затейливое название блюда.

Она вспыхнула и убежала в комнату для прислуги. Эрик Рыжий проследовал за ней, потираясь ухом о ноги в тонких зелёных колготках, как самый заправский кот.

Частота и реакция, с какими я обращал внимание на детали женского гардероба и части женского тела под ними, начинали не то веселить, не то раздражать. Я вспомнил, что сексуальные наклонности очень часто наследуются от прошлого владельца тела. Местный Эльдар, судя по всему, не имел никакого интимного опыта, и я заметил подростковую склонность к вуайеризму, фетишизму и острое желание тактильного контакта. Это лучше, чем какие-нибудь неприятные извращения: например, в позапрошлый раз я подселся к сороколетнему Эльдару, который с молодости питал нездоровую страсть к старушкам.

Сид коротко отчитался тёте о том, как отдал машину в ремонт, передал документы и ключи. Удивительно, но она совсем не ругалась. Похоже, в рассудительности ей было не занимать. Затем Сид обратился ко мне:

— Ну, барь, как себя чувствуешь?

— Если про память, то всё так же. Слушай, а она... — я перешёл на полусёпот и махнул в сторону горничной. — Чего так странно смотрит?

Сид хохотнул.

— И это забыл? Ты в прошлом году ветрянкой болел, у Мариэтты Генриховны здесь кантовался, и Ленка напросилась за плату тебя обрабатывать. Она же медсестрой на вторую половину работает.

— В смысл, на вторую половину?

Сид возвел очи горе.

— Все мы, крепостные, после Реформы 1991-го года отработываем на дворян не больше двух часов в сутки. Не, ну, кто-то больше, как я, но уже не за губернские деньги, а за плату. А если где на стороне работаешь — комиссию роду десять процентов. Чего ты думаешь, я на звукаря хочу отучиться — чтоб побольше тебе денег зарабатывать.

— Справедливо, — заметил я не то про систему, не то про план Сиды. — Так что с Ленкой?

— Ну, как ты рассказывал, тётка вас в ванной запирает, Ленка тебе живот мазала, а когда ветрянка пошла ниже...

— Вынуждена была мазать меня ниже пояса, — продолжил я. — Ясно.

— Я её про это дело, конечно, не расспрашивал. Но ты там что-то говорил, дескать, уговорил её показать грудь, дескать, чтобы проверить, не перекинулась ли болезнь. Дело опасное, знаешь, контакт крепостных и дворян... С тех пор оба и краснеете.

Я не мог сказать, сочинил ли местный юноша историю про грудь горничной, но выглядела она весьма красивой. И снова стало немного грустно, что подробностей я не помнил.

— Ну, я свободен? Или по одежде чего посмотреть и подобрать. Можем вместе прогуляться.

— Маман звонила, запретила на концерт идти. И тебе, и мне.

Сид приуныл.

— Эх, служил бы у тётушки твоей, вместе бы с ней по клубам ходили, она ж у тебя молодости сама на басухе играла... Ладно, барыню нужно слушать. Тем более сейчас, когда тебя отчислили. Ещё и сессия у меня скоро, много отпрашиваться надо будет.

— Слушай, помоги билеты на самолёт купить? Я если и умел, внезапно разучился.

— Конечно, барь, пошли. Это моя работа. Мариэтта Генриховна, можно воспользоваться вашим компом? У Эльдара Матвеевича он упакованный лежит.

— Рихнером! Или вычислителем! — буркнула тётя. — Терпеть не могу эти ваши молодёжные словечки. Называй нормально. Да, можно. Пароль пусть Лена введёт, она знает.

Лена выпорхнула из комнаты для прислуги — в одной футболке и шортах, быстро вбила пароль и убежала обратно. Поймал себя на мысли, что возникло резкое желание поразглядывать её облачение, но я не успел. Итак, я впервые сел за местную компьютерную технику. Пожалуй, адекватными эпохе в ней выглядели только компактный, с толстую книгу размером корпус системника и монитор — тонкий, безрамочный, с отличным разрешением. На котором открылся совершенно дикий, неудобный интерфейс в стиле поисковика из середины девяностых. Мышь — квадратная и тяжёлая, с перекрестием вместо привычной стрелки, но что самое страшное — клавиатура.

Боги, как многое я бы отдал, чтобы во всех посещённых мне мирах была одна и та же раскладка клавиатуры и одинаковые разёмы проводов! Привыкать приходилось ко многим изменениям, но к клавиатуре и орфографии — тяжелее всего. К тому же, в местной орфографии сохранились “Ъ” на конце слов и “ижица”, которая, насколько я понял, писалась всего в паре слов греческого происхождения. Ничего, казаться в первые недели безграмотным дво-

ечником было не впервой. К счастью, тут был камердинер. А когда у меня пальцы легли на клавиатуру, меня ждал ещё один сюрприз.

Пальцы помнили клавиши! Я без проблем набрал поисковой запрос вслепую. В большинстве из последних миров развитие компьютерной техники сильно хуже среднего, и мои реципиенты в тех мирах совершенно не помнили клавиатуру. Поэтому учиться компьютерной грамоте приходилось с нуля. Вероятно, мой здешний двойник сидел в местной компьютерной сети достаточно плотно, раз память о расположении букв сохранилась в моторной памяти. Это несколько облегчило задачу, но чего-то более глубокого и цельного я уже не вспомнил, и многое показалось новым.

“Добро пожаловать в сеть Пермской губернии!” — висело в заголовке. Похоже, глобальной сетью тут и не пахло. Либо пахло, но не для простых смертных. Это было как плюсом, так и минусом. Я заметил, что много словечек на главной странице было с немецким, а не с английским, как в большинстве миров Главного Пучка, происхождением. Сид ловко вышел на сайт — здесь называлось “ресурсом” — местного аэропорта Арамиль и охнул от цен.

— Зимой всегда дороже. Дворянский класс — как половина моего месячного жалования.

В итоге забронировали два билета: дворянский “комфорт” за девяносто рублей и эконом за десять. Когда пришло время платить, возникла куча окошек.

— Как платить? — вынужден был вполголоса спросить я.

Сид засуетился и достал откуда-то с полки странную штуку на шнуре, напоминающую старинный внешний дисковод.

— В кошельке на телефоне пароль вбей и суй туда, барин.

Достал телефон, нажал подтверждение, оплатил и отпустил Сида прогуляться. Уже выключая экран телефона, заметил иконку с двумя письмами. Открыл первое, оно оказалось от однокурсника Марка.

“Представляешь, меня оставили на испытательный. Так жаль, что тебя отчислили. Встретимся? Я обещал кое-что передать”.

А второе оказалось от той самой Нинель Чистяковой:

“Эльдарь Матвеевичь, какъ ваши дела? До меня дошли слухи, что у вас проблемы с учёбой? Неужели вы вернётесь въ Москву?”

Я почувствовал, что сердце забилося чуть чаще. Молодость, ничего не поделаешь!

Глава 4

Пролистал переписку чуть выше: общались с барышней скромно, лишь перекидываясь поздравлениями с праздниками и парой фактов из жизни. “Вот, закончился семестр”, “Ах, какие вкусные персики у нас уродились” и тому подобное.

В день её восемнадцатилетия обнаружилась какая-то странная оборвавшаяся переписка, в конце которой была просьба “всё лишнее удалить”. Ещё раз освежил в памяти отчество — Кирилловна и быстро настроил ответ, стараясь подражать стилю предыдущих сообщений..

“Нинель Кирилловна, возвращаюсь на родину. Отчислили меня с позоромъ. Буду радъ съ вами повидаться, если такое уместно”.

Ответ пришёл быстро и, что удивительно, со смайликами.

“:-) Эльдаръ Матвеевичъ, я подумаю о встрече. Очень грустно, что васъ отчислили.”

Открыл и разглядел фотографию профиля. Молодая, неброско накрашенная, с сочными губками, немного наивными большими глазами и густыми светлыми волосами. Фигура худая, бёдра чуть шире груди. Но что самое мощное — это очки. К своему ужасу я обнаружил, что очки у моего реципиента были прямо-таки железобетонным фетишем.

Чтобы как-то отвлечься от совершенно неуместных юношеских фантазий, я позвонил Марку, чтобы договориться о встрече.

— Привет! Сочувствую... и немного завидую. Ты вольная птица, чувак!

— Да уж. Что передать хотел?

— Эм... не буду по телефону. Ты же не забыл?

— Я сколько-то должен? — на всякий случай спросил я.

На том конце раздалось прихрюкивание, Марк захохотал:

— Нет, ты серьёзно хочешь, чтобы меня посадили?! Исключительно подарок, на добрую память. Как и договаривались. Сегодня можешь?

— Может, я комардина пришлю?

— Не, тут лучше самому... Я твоему парня не доверяю.

— Давай через часа полтора? — предположил я.

— У "Донна Виноградо"?

— Это кафе какое-то? Можно и там.

— Окай, я сейчас тут практику закончу и скоро выйду.

“Окей” здесь произносили с отчётливым немецким акцентом. Интуитивно, а может, и по подсказке моего реципиента, я догадался, что ловушкой это быть не может и что передать должны что-то очень важное. Следом поговорил и попросил у Сиды, чтобы он подстраховал в ходе моего пути.

— Я с приятелем встречаюсь. Как раз в этом районе. Без проблем, барь! — ответил он.
— Сяду где-нибудь рядом.

Оставшийся час я решил потратить с пользой — изучить что-нибудь на тему мира. Затем заглянул в дверь к Ленке. Она сидела над тетрадками в огромных наушниках за крохотным не то планшетом, не то ноутбуком, пританцовывая в такт звучащей там музыке. Я успел разглядеть на видео пачку полуголых парней, после чего Ленка лихорадочно стянула наушники, выключила видео и немного испуганно спросила:

— Да, барин, что случилось?

— Ничего страшного, помоги кое-что найти в сети.

Мне требовалось найти что-нибудь вроде местной википедии или британники, и она мне подсказала ресурс "Большая Имперская Энциклопедия".

Следующие полчаса я бегло читал историю этого мира, параллельно осваиваясь в пользовании местной сетью. Мой реципиент разбирался в датах и хронологии из рук вон плохо,

как, впрочем, и почти всегда бывало: в большинстве реальностей я был склонен больше к точным наукам. Но из-за поставленной цели в политике и географии разбираться требовалось.

Некоторые события и исторические личности до неприличности походили на оных же в Главном Пучке реальностей. Я понимал, почему так бывает: ветвь в ходе своего роста неумолимо перемещается в сектора пространства-времени, и на неё оказывают влияние соседние мощные "суперветви". К примеру, из царства в империю государство переименовал Пётр I. Смутное время тоже пришлось на начало семнадцатого века, но прошло куда спокойнее и закончилось установлением династии Годуновых, из-за чего пережитки боярской формы правления дожили до начала двадцатого века.

Годуновы? Я даже вздрогнул. Как одна и та же фамилия может быть у правителей в настолько далёких реальностях? Я пока так и не определил, когда случилось глобальное потепление, и когда ветвь отделилась от основной, но явно это случилось раньше, чем правили Годуновы. Возможно, даже до нашей эры. Но тут же память подсказала ответ. Такие люди-парадоксы, как я, пронизывающие все ветви реальности, случались и во многие другие моменты роста Древа. Значит и здесь могли править люди с фамилией Годунов.

В двадцатом веке все важные для России события тоже случились в восемнадцатом и начале девятых.

Россия здесь, как и во многих других сценариях, была крупнейшей по территории державой, правда, если считать все колонии и доминионы. В конце двадцатого века несколько приграничных территорий объявили независимость в результате долгой борьбы сепаратистов и дворцовых интриг. Но различий, конечно, было много.

Пётр Первый был Годуновым, а не Романовым, и Санкт-Петербург он основал восточнее: Ладога здесь была продолжением Финского залива, и Невская протока вела из Онежского озера. Часть европейских государств, например, Дания и Голландия, из-за изменившейся береговой линии попросту отсутствовали как самостоятельные державы, зато другие — Норвегия и Новгородская республика, просуществовавшая аж до восемнадцатого века, владели гигантскими территориями, включая обитаемую и лишённую льда Гренландию — загадочное Зеленогорье. Австро-Венгерская Конфедерация, бывшая сначала Империей, а потом Социалистическим Союзом, занимала треть Европы и владела землями на Ближнем Востоке, поглотив распавшуюся Турецкую Империю. Великобритании не было, была Английская Империя, находившаяся уже в некотором упадке.

Североамериканский континент был перекроен на десяток незнакомых государств, включая Республику Ирокезов и Русскую Арктическую Республику, а Африкой, Южной Америкой и половиной Азии владели совместно Франция, Испания, а также Бразильская и Японская империи. Китай был расчленён на полдюжины государств, половина из которых была под Японией. Некоторые из бывших колоний стали независимыми из-за деятельности социалистов, некоторые — остались доминионами. А некоторые до сих пор принадлежали России.

В начале девятых произошло много изменений: подписание мирного договора с Японией, парад суверенитетов на окраинах и в некоторых колониях, снижение роли Императора и усиление роли Губернского Собрания. Именно тогда к Империи добавилась новая характеристика — "Федеративная".

Я заглянул дальше. Два больших моря пересекали Сахару. Большое море плескалось посреди Австралии, поделённой между пятью державами, включая Россию.

Примерно через час я перешёл к обзору последнего материка — Антарктиды и присвистнул.

— Антарктида, что ли, обитаемая? — пробормотал я

На этой фразе Ленка, всё ещё дежурившая рядом в гостиной в обнимку с телефоном сделала удивлённое лицо и молча ушла в комнату. Какая она всё-таки тихая и замкнутая, подумалось мне.

Ледники занимали только центральное плато, всё побережье поросло лесом, а государств было не меньше, чем в Америке. В том числе тот самый Русский Антарктический Союз, про который говорилось в новостях.

Отец... Антарктида. Что-то шевельнулось в памяти. Время встречи с бывшим однокурсником уже подходило, и я не рискнул погружаться в энциклопедию глубже. Порылся в пакетах, собрался, переодевшись в повседневное: невзрачный лёгкий свитер и брюки, напоминающие джинсы. Нашёл в пакете кобуру и нацепил на пояс пистолет. Затем попросил Ленку помочь разобраться с картой и вызвал такси.

Народа на улице ближе к вечеру прибавилось. Высыпали группы ярко раскрашенных девушек в странных карнавальных платьицах, ростовые куклы, рекламирующие неизвестные команды. Из дорогих машин выходили в сопровождении мордоворотов представители золотой молодежи: не то родовое дворянство, не то купечество, я пока не разбирался. Все толпы стекались к огромному зданию стадиона, отчего на светофорах пришлось стоять дольше обычного.

— Кто играет? — спросил я таксиста.

— Так ведь, барь, игра года. “Уральский Мастер” и “Бирмингем”.

— Футбол?

Таксист как-то испуганно обернулся.

— Мы ж не луизианцы какие-то. Лапта. Байсболль, как говорят на Европейском Полуострове.

Европейский полуостров — звучало одновременно и свежо, и жутковато. Приехал, расплатился, но однокурсника своего не обнаружил.

— Пробки! — прокричал он мне в трубку. — Ещё минут десять, посиди там у входа.

Кафе “Донно Виноградо” нашёл без труда, сел на скамейку рядом со уличной статуей, изображающей гриффона, достаточно правдоподобного. Народ тёк мимо меня, я долго и часто бывал одиночкой, но чувство одиночества в огромной толпе всегда немного дискомфортно, тем более, когда ты находишься в новом мире первые часы. От нечего делать снова поразглядывал девушек. Вечерело и начинало холодать, отчего многие укутались в пончо и платки. Через минут десять позвонил Сиду.

— Мы тут с Тарагуптой в кабаке через дорогу засели. Я тебя вижу, барь, всё ок. Ай. Если что, подскочу.

Я разглядел вывеску “Техасский Рэднек”, и стало как-то спокойнее. После я обратил внимание на то, что ускользало от взгляда из-за своей непривычности. Со многих вывесок, со стен проезжающих автобусов на меня глазели прекраснотликие мультипликационные азиатки. Я вспомнил, что в моих вещах были подобные картинки на носителях информации и на разбитой кружке. Да и многие девушки на улицах, судя по всему, копировали подобные образы.

Мой реципиент где-то вздрогнул внутри. Аниме — из глубины памяти я с трудом выудил слово, которое совершенно не встречалось в прошлом мире. Там Японию в конце Второй Мировой разбомбили десятком ядерных бомб, после чего она распалась на три страны и никакого влияния на мировую культуру не оказала. Здесь же всё было наоборот. “Перемирие”, вспомнилось мне. После девяностых японская культура хлынула бурным потоком в неокрепшие умы моего поколения.

Я — анимешник, понял я. Анимационный фанат, как тут говорили. Именно поэтому у меня окрашенные в синий цвет волосы.

— Эльдар! — крикнул голос, показавшийся знакомым.

Из припаркованной в пятидесяти метрах машины вылез и заспешил ко мне парень — полноватый, с немного наивным лицом. Я заметил, что пряди длинноватых волос у него окрашены в фиолетовый цвет. К его машине прислонился и закурил бородатый мужик в наколках — типичный бандюган. Поравнявшись, Марк пожал руку и сделал странное и немного нелепое движение локтём, намередаясь стукнуться с моим.

— Мне так жаль, что тебя отчислили... Прямо как Рёико — твоего любимого персонажа “Летающих Кастрюль”. Надо же... совпадение. А мне выговор.

— Забудь. Меня тут переклинило. С трудом вспомнил тётку родную и тебя. И забыл все предыдущие месяцы.

— Ого! — Марк выпучил глаза. — Как Фридрих Кафка из “Проклятого Грязного Города”?

— Возможно. Что хотел-то передать?

Марк воровато огляделся, присел на скамейку и сунул мне прямо в карман носитель информации.

— Никому не показывай, там... — зашептал он. — Почти вся моя коллекция, как ты и просил. Тридцать шесть роликов... Один очень рекомендую, с двумя негритянками — там такое!..

Секунду я обдумывал сказанное, а следом с трудом сдержал смех. Эх, Эльдар Циммер из мира затопленных Империй. Мог ли кто-то из нас предположить, что мне придётся лишиться тебя сознания за день до того, как ты получишь такое сокровище? Я ещё не разобрался в законах, но мог предположить, что передача порнографии здесь была весьма противозаконным и экстремальным шагом. Ну, ничего не поделаешь, мне пришлось принять этот дар.

— Спасибо. Как там у тебя...

— Со стюардессой? — оживился Марк. — Да, снова написал. Я же говорил — она мешанкой оказалась, не крепостной! Значит, можно, да? Как думаешь? Или всё же искать дворянку... Да только кто на меня посмотрит на такого...

— Можно. Пригласи её на свиданку — вот в эту вот “Донну Виноградо”. Всё должно получиться, — посоветовал я.

— А ты как? С соседкой той? — приятель перешёл на шёпот. — Ты рассказывал, что у тебя её фото во французском купальнике спрятано.

Ничего подобного, к сожалению, я припомнить не смог.

— Не помню. Честно. Я же говорю — память отшибло.

— Вот блин. А я хотел тебя про Общество спросить. Может, узнал что-то? Как в него вступить? Получается, ничего не помнишь?

Разумеется, ни про какое Общество — слово, судя по интонации, явно следовало писать с заглавной буквы — я тоже не знал. Но что-то подсказало, что узнать стоит. Подумал спросить в ответ — что он знает про него, но диалог не продолжился, я почуял что-то неладное. Народ куда-то спешил, люди выглядывали из подъездов и входов в кафе, а затем прятались внутрь. Поток машин тоже сократился, а привстав с места, я разглядел пару бело-красных полицейских машин, перегородивших улицу в двух кварталах от меня.

— Что за...

— Вот блин! Англичане! — Марк внезапно вскочил с места и помчался в сторону мужика-водителя.

По опустевшей улице разнёсся шум толпы, нескольких сотен голосов, сливающихся в громкую песню. Я различил знакомые обороты на английском, в том числе и матерные. Наконец, показался источник звука. Из-за угла вышла шеренгой плотная колонна бритых парней с флагами. Их сопровождал закованный в броню жандарм на лошади, державшийся на расстоянии и всем своим видом являвший полное безразличие.

Удивительно, но во всех мирах, где есть Англия или Великобритания и развит международный спорт, обязательное есть бешеные спортивные фанаты из этой страны.

Народ на улице вымер. Я решил не рисковать и неторопливо, не показывая паники, шагнул в сторону двери кафе, но увидел, как официант с обратной стороны отходит от только что запертой двери и стыдливо качает головой. Мол, прости, не успел.

До следующего подъезда было слишком далеко. Кто-то в толпе тыкнул пальцем, послышалось довольное улюлюканье. Мимо просвистела и разбилась о витрину стеклянная бутылка. Послышался свисток жандарма, но англичане, похоже, его игнорировали. Десяток парней отделились от толпы и помчались на меня, перепрыгивая стоявшие вдоль тротуара скамейки. Они были голые по пояс, в татуировках, фанатских шарфах, повязанных на шее и разноцветных кепках-восьмиклинках. У бежавших впереди в руках виднелись бутылки и что-то, завернутое в газету.

Моя рука скользнула на пояс к кобуре. Палец взвёл курок, я навёл ствол на полметра выше головы бежавшего впереди и стрельнул в створ улицы.

Парень пригнулся, остановился на миг, но затем снова помчал вперед. Почему он так уверен, что ему здесь ничего не угрожает?

— Беги, парень! — крикнул жандарм, поравнявшийся со мной. — Распоряжение — не могу стрелять. Спецназ на подходе.

И я побежал. Нет, я понимал, что смогу выстрелить и попасть два, три раза. Но их было на порядок больше и выглядели они не то законченными нариками, не то...

Зомби, вспомнилось мне. В одном из магических миров я уже встречал зомбирующие чары — конечно, применяемые не к мертвецам, а к живым людям. Неужели снова? Или это просто коллективное бессознательное, власть толпы?

Взвизгнули тормоза машины на проезжей части. Это была малолитражка Марка, давшая задний ход и поравнявшаяся со мной. Его бородатый водитель приоткрыл заднюю дверь.

— Сюда! — послышался голос моего однокурсника.

Я перемахнул через газон, дернул дверь на себя, прыгнул внутрь. Водитель вдарил по газам, я обернулся назад, подозревая, что толпа оказалась в паре метров от меня. Но она двигалась совсем в другом направлении. Полдюжины "вожаков" мчали поперёк улицы к тому самому бару "Техасский Рэдneck", из которого вышли две фигуры.

Секунду спустя я понял, кого окружали английские "зомби".

— Тормози! — Хлопнул я по плечу водителя. — Там мой... друг!

Водитель затормозил, и тут же ещё пара ультрас отделилась от толпы и побежала навстречу нам. Я решил действовать и быстро пересел к правой двери машины. Разбираться со стеклоподъёмником показалось слишком долгим, поэтому я просто открыл дверь, высунулся и пальнул ещё раз.

— Стой, назад! — крикнул Марк с переднего сиденья.

Моя пуля прострелила и отбросила назад кепку ближайшего ультраса, следом послышался свисток жандарма, и я зашагал напрямую в толпу. Второй выстрел, как и первый, толком не подействовал, правда, бегущий на меня всё же отклонился от маршрута. Всё внимание задир теперь было отдано вышедшим из кабака. Одного уже повалили на пол и пинали, а второй — с облегчением я увидел, что это Сид — забрался на подоконник и меткими пинками здоровенных армейских ботинок откидывал шпану, которая тщетно пыталась стащить его вниз.

Оглянувшись назад, я увидел, что пятеро других парней окружили машину Марка и пытаются её раскатать, разбить стекло. Машина медленно набирала ход, водитель старался сбросить висящего на капоте англичанина. Путь к отступлению был отрезан.

— Барь, я щ-щас! — крикнул он, завидев меня. — Щ-щас я их уделаю, иди в машину!

Секунды, которые он потратил на то, чтобы отвлечься, хватило противникам на то, чтобы ловким рывком сдёрнуть вниз. Правда, здоровенный кулак моего крепостного тут же встретился с челюстью белобрысого англичанина, а затем с плечом следующего, ему удалось вырваться из окружения, но следом он получил мощный удар под дых, отчего скорчился от боли. Я не стал ждать продолжения драки, а просто подошёл ближе, ловко увернувшись от пробежавших мимо меня парней и прострелил напавшему на Сиду в лодыжку.

Выстрел и крик раненого прорезал шум орущих несвязные песни глоток. Куплеты стали тише. “Зомби” обернулись и принялись молча пялиться в меня, только раненый в ногу продолжал хныкать и материться, корчась на асфальте. Я решил действовать быстро. Подбежал к раненому товарищу Сиде, схватил за руку, потащил буквально из-под ног стоявших рядом противников. Сид тоже вырвался из окружения и принялся мне помогать.

Но спустя пару секунд кто-то крикнул в толпе:

— Фокинг раски!

Толпа загудела. Теперь свистели и орали даже те, кто всё это время сидел в центре толпы и в избиении не участвовал. А затем десятка ультрасов снова пришла в движение. Удар в плечо от первого подбежавшего развернул меня, и я едва не потерял равновесие. Следующего встретил Сид. Третий получил удар прикладом по переносице. Мы медленно отступали, но нас брали в окружение. А затем Сид споткнулся и упал.

Я наклонился, чтобы помочь поднять его и почувствовал удар в спину. И на какой-то миг я подумал, что это конец.

Глава 5

Я везучий — это свойство Секатора, про которое иногда забываю. Как часто бывает, именно в этот момент появилась подмога. Секундой раньше серый бронированный автомобиль показался из-за поворота и в момент, когда мне сделали подсечку, оказался прямо у самого края толпы. Раскрылась дверь... а затем мои уши пронзила резкая боль всепоглощающего, твёрдого звука, который, казалось, готов раздробить кости черепа. Закрыв уши ладонями, развернул голову и увидел хрупкую рыжую девушку в бронежилете, стоявшую на подножке броневика. Она вытянула подбородок и, казалось, просто пела, но звук, который заполнил улицу, был мощнее всех рок-концертов, на которых мне удалось побывать.

Толпа позади меня корчилась от боли и отступала назад. Парни в бронежилетах выбежали из кузова, половина оцетилилась стволами и прижала к стенам ультрасов, половина — подбежала к нам, помогла подняться, увела назад. Позади девушки звука не было слышно.

— Скорую! — крикнул спецназовец в рацию.

Приятеля Сид, кажется, по фамилии Тарагупта, уже осматривал дежурный медик. Вечер оказался таким суматошным, что пронёсся достаточно быстро. Нас с Сидом отвезли в ближайший травмпункт, мало чем отличавшийся от всех подобных. ВИП-отделение для дворян и аристократов оказалось закрыто, и меня принимали в обычном, “людском”, то есть для мещан и крепостных. Осмотрели, сделали пару рентгеновских снимков — или какой-то другой аналогичной технологии. Аппарат был удивительно компактный, бесшумный, и врач находился рядом, когда снимали. У меня переломов не оказалось, а вот у Сиды диагностировали трещину в ребре, пару серьёзных ушибов, травму колена и растяжение лодыжки.

— Легко отделались, — резюмировал Сид, когда мы ехали на такси домой к тётушке. — Спасибо, что пытался спасти меня, барь.

— Ты тоже пытался. И тебе спасибо.

— Знаешь... Я понял, что произошло. Читал о таком в книжках. Ты инопланетянин, да?

— В каком смысле?

Он прищурился и посмотрел на меня, перейдя на полущёпот.

— Вовсе это не амнезия. В Эльдара Матвеевича кто-то вселился. Там, в этом зале в университете. Я помню хорошо барина—фаната мультипликации. А ты совсем другой. Ну вообще нихрена не похож!

— С чего ты взял. Ты бред какой-то несёшь. У тебя же вроде бы сотрясения нет?

Я рассмеялся. Прозвучало убедительно, но не подействовало.

— Не бред. При амнезии человек вряд ли приобретает навыки меткой стрельбы. И так сильно характер меняет. В общем, можешь не признаваться, барь. Кем бы ты ни был и какие бы цели не преследовал — ты нормаль. Мне нравится.

— Ну, спасибо и на том, — усмехнулся я.

Некоторое время ехали молча, затем Сид спросил:

— Как зовут-то хоть? Настоящее имя.

— Имя моё — Эльдар Матвеевич Циммер. Родители — Валентина Альбертовна и Матвей Генрихович. Шестнадцатого октября девяносто первого родился. В... Подольске.

Сид кивнул.

— Всё сходится... Кроме даты. Ты второго октября родился. Видимо, спутались даты, когда вселялся? Календари разные, что ли...

Наш диалог прервал водитель, спросив:

— С какой стороны заезжать? Там ворота откроют?

— Откроют, откроют, слева поверни, — сказал Сид. — Не плати, барь, я сам заплачу, если не сложно, помощи с сумками.

Попрощался с Сидом, дошёл до кровати, услужливо расстеленной Ленкой. В первую ночь в новом мире я уснул быстро. В обрывках снов я видел битву в переулке и свою последнюю схватку в полуразрушенном здании, где подкрававшиеся спецназовцы Западно-Сибирской Хунты накрыли наш диверсионный отряд. Снились вражеский ствол у виска, холод гильотины у горла и звон разбитой бутылки. Две битвы и две смерти в один день — более чем достаточно, чтобы спать крепко. Но ничего, теперь я жив, и этот мир, в любом случае, выглядит куда безопаснее предыдущего.

Встал рано и до пробуждения домашних принялся готовиться к вылету в Москву. Предстояло ещё подготовить вещи и многое узнать.

Тётушка вышла пить чай, когда в квартиру уже завалился Сид: хромающий, перевязанный, весь в пластырях. Спросил разрешения сесть за общий стол, тётка хмыкнула:

— Я тебе когда-нибудь запрещала? — а затем, бросив взгляд на его лицо, спросила. — Это где вас так вчера? Неужели англичашки? По радио говорили, что на улицах драка была.

— Они самые, — кивнул Сид. — Кто-то остервенение учинил, лезли, как зомби из фильмов. Эльдар Матвеевич даже шмальнул в одного — без толку. Сирены только помогли.

— Шмальнул? — насторожилась тётушка.

— В ногу. Жандарм рядом стоял, ничего не сказал.

Я добавил:

— А перед этим сообщил, что дали распоряжение «не стрелять». Видимо — какие-то игры подковёрные.

— Демидовы, наверное, — кивнула Мариэтта Генриховна. — Они ж в последние годы все оружейные заводы на севере под себя подмяли. А с Англией у нас переговоры о границах в Зеленогорье и в Африке, вот и хотят подогреть ситуацию, чтобы государство побольше у них заказало.

Я решил узнать подробнее.

— Тётя, ты, напомни, за границей где была?

— Да я ж невыездная долго была, только в колониях и союзных. Ну... на Аляске, она тогда наша была, на Филиппинах. Которых в Петрины переименовали. Ещё до того, как они о независимости объявили. А, ну, в Греции десять лет назад, в Сербии. А сейчас обросла народом — всё-таки, пятнадцать душ уже, куда я уеду. Своих детей нет, так эти охламоны вместо... У Ленки вон двоюродная на сносях — опять подарок барский готовить.

А дальше началось то, почему я в какой-то мере даже соскучился: легендарные «разговоры на кухне», которые встречались мне во всех возможных мирах, при любом возможном политическом и социальном строе. Тётушка немного рассказала про своих крепостных: почти все проживали в Верх-Исетске, только одна семья на окраинах. Про то, что всем старалась дать образование и помочь с жилплощадью.

— Сейчас вашему брату, Исидор, хорошо — тебе и семья помогает, и баре, и Дворянский дом, и государство, и у картелей программы социальные. Пенсия на пять лет раньше нашей. Отработка всего два часа в сутки.

«Исидор», — с некоторым удивлением я отметил, что совсем не предполагал такое полное имя у своего камердинера. Он же немного неуверенно вступил в дискуссию:

— Десятина... Смена жилья при переезде барина.

— Повозмущайся мне! — тётка впервые, похоже, подняла голос. — Ты знаешь, сколько я налогов плачу? У некоторых мещан знакомых дом богаче устроен, чем у меня. Льготные продукты малоимущим.

— Наказания суровой... Ну, и как некоторые бары зверствуют, тоже знаете.

— Знаю, — поморщилась тётушка. — Ну, мы же не Демидовы какие-нибудь. Не Козицкие. И твоя хозяйка, Валентина Альбертовна — тоже.

— И я это очень ценю, — Сид в характерном жесте приложил руку к груди, но тут же поморщился от боли в ребре. — Болит, зараза!

Тётушка посмотрела на эту картину с сожалением, потом полезла в телефон.

— Вася? Свободный? У тебя же на этой неделе вообще часов отработки не было? Свободен? Задача есть. Тут у меня племянш, а у него комардин раненый, да ещё машина в ремонте. В аэропорт доставишь?

Кивнула и продолжила:

— Ну, собирайтесь. Васька поможет.

Вещи мои уже были собраны, поэтому затягивать не стали. Васька, живущий на первом этаже, оказался коренастым и слегка лысоватым мужичком лет сорока, улыбчивым, но приветствовал сухо. В дороге разговорились: выяснилось, что он управляющий магазинчика электронных девайсов, записанного на тётушку.

— В этом году слабые продажи, цены на конвейерную электронику поднялись, кризис поставок редкоземельных. А камнерезы нарасхват, все на военку выходят. Да и стоят аппараты вроде «Циммера» — впятеро дороже обычных. Вот вы отучитесь... Как у вас, Эльдар Матвеевич, с учёбой-то?

Сказал он и осёкся, видимо, понял, почему мы едем в аэропорт и что сморозил глупость. Но тут же исправился.

— Ну и ладно. Осенью в московских или питерских вузах попробуете. Там, конечно, и конкурс выше, и учат хуже, зато ближе к дому. Вы по стопам отца не думали идти?

— В каком смысле? — осторожно спросил я.

— Ну... он же у вас, насколько знаю, кризисный менеджер в ПУГК? Или сменил уже работу?

— Поволжско-Уральский Газовый Картель, да, — выручил меня Сид. — Где находится Матвей Генрихович, неизвестно. Где-то в колониях, судя по всему.

— Общается только письмами пару раз в году, — добавил я.

Надо будет почитать биографию отца. Наверняка что-то есть в открытых источниках, подумалось мне. Пока ехал, соображал, что скажу матери по прилёту: следовало одновременно и объяснить, почему многого не знаю и не понимаю, и показать себя адекватным, чтобы не спихнули в какое-нибудь закрытое лечебное заведение. Хотя я знал, что психушка — не конец. Переселение сознания — это всегда немного безумие. За несколько сотен жизней мне случилось побывать и в означенных заведениях, и в тюрьмах, и даже в пыточных у безумных учёных. Но если есть возможность избежать, то я бы предпочёл ею воспользоваться.

Снаружи было прохладно: в районе плюс десяти, и я первый раз увидел работающую печку в салоне авто. Всё же, несмотря на глобальное потепление, это был февраль на Урале. Вокруг возвышались леса: в основном, лиственные и в основном с голыми ветвями, но на многих уже виднелись зелёные почки, а лесная подстилка и кустарники и вовсе, похоже, не расставались с листьями на зиму. Вскоре широкая трасса от города закончилась, и показался «Арамил» — местный аэропорт. Мы свернули на парковку для «ВИПов», для чего пришлось предъявить паспорт, Василий взял сумки и повёл к вестибюлю.

Огромное здание было стилизовано под кирпичную горнозаводскую архитектуру, а внутри, как это обычно бывает, разделялось на несколько зон. Тут же подбежало четверо — трое парней и весьма симпатичная девушка. Никаких особых процедур досмотра не было. Вежливо спросили про оружие и наклеили пломбу на дуло, выдали распечатанные с переносного принтера билеты, а затем принялись регистрировать багаж. Василий передал наши сумки носильщику, распрощался, и нас отправили в зал для почётных гостей.

— Камердинерам тоже можно, — пояснил Сид. — До одного человека на рейс.

Зал оказался похожим на приличный ресторан: со столиками, к которым тут же поднесли какие-то маленькие закуски и воду в пластиковой бутылке. До вылета оставалось ещё около часа, и я решил продолжить разговор, начатый на кухне.

— Слушай, только сейчас сообразил. А ты у меня единственный крепостной, или есть ещё?

Сид усмехнулся.

— Не единственный, но первый. С четырнадцати. На восемнадцатилетие тебе папаша ещё пятерых отписал. Правда, одного из деревни ты проиграл в стрелялках. И что-то говорил про то, что проиграл ещё одну... эту, Ануку, девочку-эскимоску.

— Кому проиграл? — насторожился я.

— Понятно кому — однокурсникам своим. Бывшим уже теперь. Спасибо, что меня хоть не заложили.

Снова нахлынули флеш-бэки. Экран компьютера, то есть — рихнера. Какая-то примитивная стрелялка от первого лица с мультяшными мифологическими существами или вроде того. Довольная морда Игоря Антуанеску, спросившего: «Ну, кого отдашь?»

И, как я вспомнил, я не отдал никого. Судя по всему, потому и случилась вся дальнейшая травля и побои — мой предшественник проявил неожиданную твёрдость характера и отказался отдавать — точнее, продавать ниже рыночной цены своих крепостных.

Рука инстинктивно потянулась к мобильнику. Сид подсказал:

— Да, там в кошельке должна быть кнопка «Свой Двор». Пару лет назад глобальную общественную сеть сделали. Правда, нормально работает только в столицах.

Не без труда нашёл запрятанную кнопку. Спустя пару секунд открылось окно следующего содержания:

«Помещик: Циммер Эльдар Матвеевич. Статус: Мельчайший (неимуший). Число душ: пятеро. Общая рыночная стоимость душ — 18640 р. Список:

— Макшеин Исидор Васильев, рейтинг — 4,89, 22 г., г. Москва, русский, среднее обр.

— Сергеева Зинаида Сергеева, рейтинг — 3,27, 72 г., г. Москва, русская, среднее проф. обр. (пенс.)

— Анканатун Анука, рейтинг — 0, 14 л., Зеленогорский край, Тунумиитская обл., Кристаллогорский уезд, эскимос, без обр.

— Анканатун Киргина, рейтинг — 4,2, 46 л., Зеленогорский край, Тунумиитская обл., Кристаллогорский уезд, общ. Нануй, эскимос, без обр.

— Берtrand Эрнест Рамосов, рейтинг — 4,1, 62 г., Петриноостровский край, Лузонская обл., Лусенский уезд, г. Лусена, тагал, высшее обр. (пенс.)»

Ниже — «Биржа вашего Дворянского дома (Московский): недоступно. Нет связи. Запросить выписку?»

Нажал на первую ссылку и провалился в досье Сиды. Там была куча характеристик — холост, группа крови, заболевания, непонятный, но показавшийся знакомым параметр «сенситивность» — 0,02%, большая кнопка, а также полученный доход за месяц и за всё время. Стояла и весьма сомнительная графа «Рыночная стоимость — 8056 р.». Ниже был ещё ряд кнопок. «Заполнить табель», «Вознаградить», «Пожаловаться», «Выписать вольную (выкуп)».

— Неимуший, значит, — хмыкнул я. — Звучит не очень.

— Значит, что меньше десяти. Как и у девяти из десяти у твоего сословия. На четыре миллиона дворян — сто двадцать миллионов крепостных, примерно один к тридцати. У кого-то пять, но у кого-то — сотни тысяч.

— Кто они? — спросил я Сиды, указав на список в мобильнике.

— Сергеева — учительница по французскому твоего отца, да и тебя в детстве учила. Хорошая женщина, на пенсии, живёт в Бирюлёво. Умная, но слегка... выпивает, прямо скажу. Сына похоронила. Но иногда репетиторствует, в прошлом году какие-то копейки десятины перечисляла. Она на пенсии, так что уже формально вольная, если ты об этом, просто осталась закреплена.

— А эти, из Зеленогорья и Филиппин. Что ж так раскидало?

— Дед твой по отцу Генрих Кристофорович в награду от Императора за военные подвиги получил четыре владения: в Подольске, куда мы и мчим, на Чукотке одну деревню, в Зеленогорском крае, на севере самом, где тундра и на острове Лузон, Петринские острова, они же Филиппины. От чукотского имения он при жизни ещё избавился, чтобы детям на обучение хватило. На Филиппинах ещё твой батюшка хозяйничал, там небольшая рамбутановая плантация была, но потом местный Дворянский Дом всё выкупил. Сейчас в крепостных остались только управляющие — вот тебе одного пенсионера и приписал, бывший бухгалтер, сейчас математику в школе преподаёт.

— То есть работающий? А почему тогда десятины ноль за год?

— Ха, не, барин, ты точно... не с нашей планеты, — Сид достаточно громко поставил стакан из-под фруктового нектара на стол. — Потому что это Петрины. У них после бунтов в девяностые льготы у крепостных, все налоги идут в губернскую казну на эти... инфраструктурные проекты. Иногда только при сверхприбылях Дома перечисляют дивиденды, ну, как с акциями, копейки. К тому же этому мужику уже за шестьдесят, там и в наших губерниях льготы полагаются.

— Хорошо, допустим. А Зеленогорье. Ты сказал — тундра?

— О, да. Эти двое мамонтоводы.

Сид прищурился, словно проверял и собирался насладиться моей реакцией.

— Мамонто... что?! Мамонтоводы? Они же вымерли?

— Ага. В шестнадцатом веке ещё, считалось, что вымерли окончательно в Зеленогорье. Но в 1940-ых нашли на острове Врубеля последнюю популяцию, двадцать штук. Сейчас расплодили, уже около сотни фермерств, в основном инуитам отданных. Одним из них владеет ваш батюшка, всего человек пятнадцать там. Вот, двух, мать и девушку, приписал к тебе на восемнадцатилетие.

— Понял. Круто, конечно. Но почему именно их?

— А ты загляни в профили. У девочки сенситивность выше средней среди наших дворян чуть ли не втрое. У северных народностей очень распространена такая аномалия. Как и у японцев, как и у антарктических. Эту девочку бы по-хорошему вывезти да обучить на сенситива... О, смотри!

Сид понизил голос и указал куда-то в толпу. Там я увидел роскошную женщину лет сорока в коктейльном платье без бретелек, с пышной, буквально готовой выскочить из декольте грудью. Признаться, грудь была первым, что я заметил. но после взгляд упал на небольшое, меньше кошки существо, сидящее на плече. Сперва я принял его за странного попугая, но секунду спустя холодок пробежал у меня по спине.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.